

Глава I

БОСПОРСКАЯ ЭЛИТА ДО ЭПОХИ СПАРТОКИДОВ

1.1. Греческая колонизация Боспора

Любое достаточно развитое общество, как уже было сказано выше, предполагает наличие элиты. Эта социальная группа с древнейших времен является обязательным условием нормального длительного функционирования и развития любого социума. В эпоху, за которой утвердилось название эпохи Великой греческой колонизации, с последним, позднейшим, этапом которой связано основание постоянных античных поселений Северного Причерноморья, греческие города-государства, выведившие колонии в различные регионы обитаемого мира, давно и успешно сформировали свои аристократические элиты, принимавшие весьма деятельное участие в колонизационном процессе.

Однако, если мы обратимся к греческим центрам Боспорского региона, то вынуждены будем признать, что выделить или хотя бы в общих чертах охарактеризовать аристократическую культуру, сложившуюся в городских центрах Киммерийского Боспора, мы сможем лишь для времени, достаточно удалённого от высадки на эти берега первых групп колонистов. Очевидно, должно было пройти по меньшей мере два-три поколения, прежде чем культура «аристократического сословия» смогла сформироваться и проявиться в имеющихся в нашем распоряжении археологических памятниках. Действительно, трудно представить себе облик боспорской элиты на основании данных о примитивных жилищах первых колонистов или достаточно скромных по обряду и инвентарю погребениях боспорян.

«Пик» колонизационной активности греков приходится на эпоху архаики, наибольшее количество греческих колоний на берегах Средиземного и Чёрного морей были основаны в период с середины VII по середину VI в. до н.э. [Graham, 1971, p. 264]. Освоение греками земель вокруг Боспора Киммерийского приходится на вторую, позднейшую половину этого периода. Причину того, что колонизационная активность ионийских полисов Малой Азии началась сравнительно поздно, многие учёные видят прежде всего в том, что греческие центры древней Анатолии не столь сильно страдали от переизбытка населения и обладали относительно большим количеством земли, пригодной для обработки [Cook, 1946, p. 79]. Если это утверждение справедливо, можно предположить, что для городов Ионии роль первостепенного

Восточного Причерноморья, мы располагаем, по сравнению с другими областями Северного Причерноморья, как это ни парадоксально звучит, представительным набором имён, которые можно соотнести с реальными участниками колонизационного процесса. О тех людях, которые основали первые греческие поселения в Нижнем Побужье или же на территории Западного Крыма, мы не знаем абсолютно ничего – традиция не сохранила ни одного имени.

Возможно, что и имя первого известного нам правителя Боспора – Археанакта – также (по аналогии с другими дошедшими до нас именами) могло каким-то образом соотноситься с областями Азиатского Боспора.

1.2. Первые греческие поселения Боспора Киммерийского

Самое значительное и, скорее всего, самое раннее поселение Европейского Боспора – Пантикапей (рис. 1), вероятно, было основано на рубеже VII–VI вв. до н.э. [Толстикова, 2015а, с. 29]. Остатки древнейшего поселения недавно были открыты на самой возвышенной части горы Митридат – верхнем плато холма, над бухтой [Толстикова, 2015а, с. 257; 2015б, с. 29]. Здесь были выявлены следы фортификационных сооружений, по-видимому, возведённых первыми колонистами, а также остатки наземных построек. Примечательно, что все эти сооружения были перекрыты полутораметровым слоем пожара, содержавшим наконечники стрел скифских типов [Толстикова, 2015а, рис. 4]. Материалы из этого слоя позволили прийти к выводу о том, что спустя 40–50 лет после основания, приблизительно около середины VI в. до н.э., поселение пережило военную катастрофу [Толстикова, 2015б, с. 35]. В следующем периоде в Пантикапее появляются круглые в плане, заглублённые постройки («землянки»), датирующиеся 40–ми – 20–ми гг. VI в. до н.э. [Толстикова, 2010, с. 466]. Городской облик Пантикапей, по-видимому, начал приобретать лишь с последней четверти столетия, когда на западном плато вершины первого кресла горы Митридат начала развиваться сеть улиц и стал формироваться архитектурный ансамбль, центром которого был толос [Толстикова, 2001, с. 49 сл.; 2010, с. 467].

Возможно, стоит вспомнить и об известном письменном свидетельстве, рассказывающем о том, что землю для основания Пантикапея греческие переселенцы получили от скифского царя Агаэта (*Steph. Byz., s.v. Παντικάπαιον*). Признавая тот факт, что свидетельство это, конечно же, носит полуполюгендарный характер², всё же хочется обратить внимание на то, что основание города, который позже станет столицей Боспорского государства, по преданию связывалось с дипломатическими контактами на «самом высоком уровне». Согласно этому преданию, соглашение об основании города было заключено между правителем («царём») господствующей в степи кочевой орды и предводителем/предводителями группы первых греческих

² Хотя мы следуем за некоторыми исследователями [Maslennikov, 2005, p. 156; Сапрыкин, 2013, с. 27–28], всё же полагаем, что в этом рассказе содержится рациональное зерно.

переселенцев³. Договоренности такого рода предполагали участие наиболее уважаемых и значимых представителей эллинской общины, т.е. представителей элиты. Не исключена вероятность того, что таким представителем мог выступать предводитель группы первых колонистов – *ойкист*. Традиционно считают, что Пантикапей основали выходцы из Милета, однако нельзя исключать и то, что в его основании могли принимать участие жители других ионийских городов, прежде всего Эфеса [Treister, 1998, p. 191–192].

Крупнейший античный центр Азиатского Боспора – Фанагория, был основан, согласно свидетельству письменных источников, неким Фанагором, выходцем из Теоса, приблизительно в 543 г. до н.э. [Латышев, 1909, с. 71; Жебелёв, 1953, с. 51; Кобылина, 1956, с. 14]. В процессе раскопок городища археологические материалы, относящиеся к древнейшему периоду жизни города, пока не выявлены; самый ранний зафиксированный раскопками слой, находки и строительные остатки на краю верхней части центрального плато (раскоп «Верхний город») датируются временем от середины VI в. до н.э. [Кузнецов, 2013б, с. 36].

Ко второй четверти–середине VI в. до н.э. можно отнести основание целого ряда «малых» городов Европейского и Азиатского Боспора. Второй четвертью VI в. до н.э. датируются контексты ранних ям Мирмекия [Виноградов, 2008, с. 44–45]. Приблизительно к середине столетия можно отнести основание Порфмия [Вахтина, 2009а, с. 93], 565/560–530 гг. до н.э. датируется древнейший строительный период Тиритаки [Зинько, 2013, с. 20], ко времени не позднее середины столетия, по-видимому, можно относить основание Нимфея [Соколова, 2010, с. 481]. На Таманском полуострове к наиболее ранним греческим апоикиям принадлежат Кепы, основанные, судя по археологическим материалам, не позднее второй четверти VI в. до н.э. [Кузнецов, 1991; Журавлев, Кузнецов, 2010, с. 541–543]. Первые жилища («земляночного» типа), обнаруженные в Гермонассе, можно отнести к середине VI в. до н.э. [Финогенова, 2010, с. 512–513]. Третьей четвертью столетия датируются самые ранние комплексы Патрея – хозяйственные ямы [Абрамов, 2010, с. 531], к последней четверти VI в. до н.э. относятся наиболее ранние строительные комплексы на месте Горгиппии [Алексеева 2010, с. 473].

Античная письменная традиция донесла до нас названия примерно тридцати греческих поселений в районе Киммерийского Боспора [Латышев, 1909, с. 61 сл., Гайдукевич, 1949, с. 154 сл., Виноградов 2005а, с. 221 сл.; Чурекова 2009, с. 169 сл.]. Не все упомянутые в письменных источниках греческие центры выявлены и надёжно локализованы, но количество известных благодаря археологическим изысканиям поселений этого региона всё же остается впечатляющим по сравнению с другими областями Северного Причерноморья, вовлечёнными в орбиту греческой колонизации.

³ Некоторую параллель этому свидетельству (и, возможно, сходство ситуаций, хотя бы в представлениях древних греков) можно увидеть в сообщении Страбона (XIII. 590) о том, что основание милетской колонии Абидос в районе Фракийского Боспора произошло с разрешения лидийского царя Гигеса [см.: Graham, 1971, p. 41].

Очевидно, такая необычно «высокая концентрация» греческих поселений является одной из черт, отражающих своеобразие, особую специфику областей, лежавших по обе стороны Керченского пролива [Виноградов, 1993а, с. 87–88]. Статус этих поселений является объектом дискуссий [обзор точек зрения о возможной полисной принадлежности конкретных центров, см.: Виноградов, 1993а, с. 80 сл.; Зубарь, Зинько, 2006, с. 15 сл.; Кузнецов 2013а, с. 129–130]. Признавая то обстоятельство, что вопрос об определении статуса ранних боспорских поселений относится к числу тех вопросов, которые никогда не смогут получить окончательное решение [Кузнецов, 2013а, с. 130], следует всё же признать минимальную вероятность того, что все выведенные поселения Киммерийского Боспора могли быть основаны как автономные полисные центры. Письменные источники сообщают об основании на территории Восточного Крыма и на Тамани лишь пяти греческих апоекий – милетских колоний Пантикапея, Феодосии и Кеп, теосской колонии Фанагории и Гермонассы, выведенной либо ионийцами, либо жителями эолийского города Митилены на о. Лесбос [подробнее см.: Виноградов, 1993а, с. 79; 2005а, с. 221]. Возможно, прав А.А. Завойкин, полагающий, что этот список нельзя признать исчерпывающим [Завойкин, 2013, с. 282]. Сопоставление данных различных групп источников (сведений об основании колоний, упоминаний того или иного поселения) в контексте конкретных исторических событий, нумизматических, эпиграфических данных и археологических свидетельств позволило Ю.А. Виноградову прийти к выводу о том, что на территории Боспорского региона полисами можно считать лишь шесть центров: Пантикапей, Феодосию, Нимфей, Фанагорию, Гермонассу и Кепы [Виноградов, 1993а, с. 80 сл.]; возможно, к этому списку следует добавить и седьмой – Синд или Синдскую Гавань [Виноградов, 2005а, с. 222]. Хотя эту гипотезу разделяют далеко не все исследователи [см., например: Зубарь, Зинько, 2006, с. 15 сл.; Молев, 2008, с. 90 сл.; 2009, с. 41 сл.; Кузнецов, 2013а, с. 130; Сапрыкин, 2013, с. 35–36], на современном уровне наших знаний она выглядит наиболее логичной и обоснованной. Согласно концепции, разработанной Ю.А. Виноградовым, на Боспоре существовала особая система освоения территории, выразившаяся в основании в местах, удобных для обороны относительно крупных поселений, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга, позже превратившихся в «аграрные городки» [Виноградов, 2005а, с. 224 сл.]. Согласно этой системе взглядов, такие поселения, как Тиритака, Мирмекий, Порфмий, и другие населенные пункты северо-восточной части Керченского полуострова, скорее всего, никогда не были самостоятельными центрами, они возникли по инициативе Пантикапея, направляющего в эти пункты прибывающие группы колонистов [Виноградов, 2005а, с. 228–229].

Своеобразная система расселения греков в районе Киммерийского Боспора была обусловлена специфической ситуацией в регионе, определявшейся, прежде всего, достаточно регулярными передвижениями скифской кочевой орды (скорее всего, какой-то её части) через Керченский пролив на территорию Прикубанья [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Виноградов, 2005а, с. 226 сл.]. Поэтому при всей привле-

это время совершались в простых грунтовых ямах, однако встречались и «жжёные точки», иногда содержавшие интересные находки. Так, например, при исследовании в 1902 г. на углу Эспланадной и 1-й Подгорной улиц «жжёной гробницы» 70, открытой на глубине 0,80 м и занимавшей площадь $3,56 \times 1,55 \text{ м}^2$, в её центральной части были обнаружены фрагменты клазоменской пелики с изображением протом Пегаса на обеих сторонах тулова и восточногреческая амфора с орнаментом в виде поясов лака и волнистых линий [Шкорпил, 1904, с. 85, рис. 6, 7]. Клазоменскую амфору из этой гробницы по характеру росписи можно датировать последней третью VI в. до н.э.

Два погребения с сожжением были исследованы В.В. Шкорпилем недалеко от перекрестка Правой кладбищенской ул. и 3-го Кладбищенского переулка в 1912 г. [Шкорпил, 1916а, с. 10]. Комплекс погребения 7 представлял собой «жжёный точёк», открытый на глубине 1,78 м, рядом с которым обнаружена четырехугольная яма длиной 0,98 м, шириной 0,44 м и глубиной 0,32 м. В яме были найдены две столовые амфоры, украшенные орнаментом в виде полос и волнистых линий [Шкорпил, 1916а, рис. 1, 2], одна из них содержала пережжённые кости.

К комплексу погребения 13, по описанию В.В. Шкорпила [Шкорпил, 1916б, с. 11–12], относились две ионийские столовые амфоры с росписью в виде горизонтальных поясов лака и волнистых линий [Шкорпил, 1916б, рис. 3, 4], обнаруженные на глубине 2,23 м и стоявшие в небольших ямках на расстоянии 1,46 м одна от другой. Каждая из них была накрыта плоским камнем и содержала обожжённые кости. Оба эти захоронения можно отнести ко второй половине VI в.

Ещё один «жжёный точёк» (могила 14), покрытый толстым слоем золы, был обнаружен при раскопках в 3-м Кладбищенском переулке [Шкорпил, 1914, с. 6–7]. Под этим слоем была открыта круглая яма диаметром 0,51 м и глубиной 0,62 м, в которой стояла чернофигурная пелика, содержащая пережжённые кости, украшенная дионисийскими сценами [Шкорпил, 1914, рис. 2, а, б] и накрытая дном «простой амфоры». Среди костей были обнаружены остатки перстня в бронзовой оправе; лучше всего сохранилась вставка из сердолика с изображением львицы, идущей вправо [Шкорпил, 1914, рис. 3, а, б].

Остатки интереснейшего комплекса с сожжением были исследованы в 1913 г. на северном склоне горы Митридат, недалеко от православного кладбища [Шкорпил, 1913, л. 19–20]. Здесь при расчистке «жжёного точка», располагавшегося на глубине 2,60 м, были найдены фрагменты чернофигурной амфоры, украшенной сценами кентавромахии. По описанию В.В. Шкорпила, «сосуд с фигурами кентавров был немного опущен в материк и стоял посередине жжёного точка в круглой яме, обложенной с боков и сверху множеством обломков простых амфор». Яма, в которой стояла расписная амфора, раздавленная тяжестью земли, имела 0,43 м в диаметре и 0,54 м в глубину. Возле амфоры находился глиняный сосуд с высокой ручкой, покрытый светло-жёлтой облицовкой; «по жжёному точку были разбросаны многочисленные бронзовые стрелки, сильно испорченные действием огня, куски

простой алабастриды, обломки чернолакового аска с какими-то неясными фигурами и костяные пластинки неизвестного назначения, украшенные меандром».

Инвентарь пантикапейских грунтовых могил, т.н. «земляных гробниц», достаточно скромнен. Нередко в погребение помещали лишь один столовый сосуд. Так, в детском грунтовом захоронении 60, перекрытом досками, выявленном в 1907 г. на южном склоне горы Митридат, был найден небольшой коринфский скифос, стоявший у левой руки костяка, обращённого головой на юг [Шкорпил, 1910, с. 26, рис. 13]. Серия таких чаш, датированная вторым поздним коринфским периодом, т.е. временем после 550 г. до н.э., известна по раскопкам некрополя Березани [Букина, 2010, кат. 130–134]. Более «богатый» набор вещей состоял из нескольких сосудов. Например, гробница 108, перекрытая досками и мелкими камнями, раскопанная в 1-м Нагорном переулке и достигавшая 2,02 м в длину, 0,97 м в ширину и 1,13 м в глубину, содержала костяк, лежавший головой на восток. В ногах у него стояла «простая амфора», у левой руки – два шаровидных арибалла [Шкорпил, 1905, с. 26-27, рис. 22, 23]. Один из них, коринфский, можно отнести к первому позднему коринфскому периоду (570–550 гг. до н.э.) [Букина, 2010, кат. 67, 68, с. 75], второй, ионийский, украшенный полосами тёмного лака по тулову и волнистой линией на плечиках, датируется широко в рамках второй половины VI в. до н.э. Вероятно, датировки этих сосудов позволяют отнести комплекс погребения к третьей четверти VI в. до н.э. В.В. Шкорпил отметил, что череп погребённого в могиле 108 был пробит, и предположил, что здесь был похоронен убитый в сражении воин.

Однако встречались и погребения, содержавшие целые наборы сосудов. Например, земляная детская гробница 103, раскопанная В.В. Шкорпиллом в 1905 г. на западном склоне насыпного холма, расположенного к северу от Второго Кресла Митридата [Шкорпил, 1905, с. 30–31], содержала 10 экземпляров керамики. Могилка, покрытая досками и неотёсанными камнями, была открыта на глубине 3,71 м, длина её составляла 0,84 м, ширина 0,36 м, глубина 0,22 м. С правой стороны и в ногах костяка, обращённого головою на восток, найдены 10 небольших по размеру сосудов, стоявших в ряд: 1) простой одноручный глиняный сосудик с концентрическими кругами на дне; 2) простой глиняный «рожок» «с окрашенной лейкой и ручкой», 3) ещё один глиняный «рожок» «с отбитою лейкой», 4) чернофигурная ойнохоя с изображением танцующего Силена [Шкорпил, 1905, рис. 18], 5) такая же ойнохоя с изображением танцующего Силена и менады, 6) глиняный алабастр [Шкорпил, 1905, рис. 19], 7) «простой глиняный сосудик с одной ручкой», 8) чернофигурный скифос с изображением двух сидящих фигур, 9) миниатюрная коринфская котила с черными и розовыми полосами на жёлтом фоне, 10) миниатюрная чернолаковая ольпа. По-видимому, керамический комплекс позволяет отнести это захоронение к последней трети VI – началу V в. до н.э.

Погребение 116, открытое в 1902 г. на Эспланадной улице [Шкорпил, 1904, с. 94–95], было совершено в «земляной гробнице» длиной 2,05 м, шириной 1,03 м и глубиной 0,9 м. В ней был обнаружен костяк, лежавший головой на восток. У его левой руки были обнаружены два арибалла, здесь же были найдены бронзовые и

железные наконечники стрел, по-видимому, вложенные в руку погребённого. В западной части могилы, в ногах костяка, стояла «большая глиняная амфора». Один из двух обнаруженных арибаллов был изготовлен из египетского фаянса и украшен имитацией египетского иероглифа [Шкорпил, 1904, рис. 15], второй коринфский шаровидный сосуд имел т.н. четырёхлепестковый орнамент по тулову [Шкорпил, 1904, рис. 16]. На территории Северного Причерноморья такие лекифы известны для погребений архаического некрополя Березани, их принято датировать в рамках первого позднего коринфского периода (570–550 гг. до н.э.) [Букина, 2010, кат. 39-43], хотя, возможно, подобные сосуды могли производиться и во второй половине VI в. до н.э. [Буйских, 2013, с. 204]. Интересно, что для Березани подавляющее большинство коринфских шаровидных чернофигурных арибаллов с орнаментом в виде четырёх крупных лепестков на тулове, происходит из комплексов погребений [Букина, 2010, с. 16 сл., 73]. Известны немногочисленные находки подобных сосудов и в Ольвии, причём наиболее ранние экземпляры, близкие пантикапейскому, также были обнаружены при раскопках некрополя [Буйских, 2013, с. 204-205, кат. 13.137; 13.138]. Вероятно, характер росписи коринфского арибалла из могилы 116 и датировка основного массива подобных сосудов позволяют отнести это захоронение к достаточно раннему времени. По-видимому, это интересное и с достаточно разнообразным инвентарём погребение принадлежало мужчине. Об этом свидетельствуют не только наконечники стрел, но и размеры могильной ямы. Инвентарь характеризует погребённого как воина и палестрита, т.е. показывает его возможную принадлежность к верхушке пантикапейского общества.

Ещё одно более скромное грунтовое погребение 16, содержавшее амфору, было открыто в 3-м Кладбищенском переулке [Шкорпил, 1914, с. 8]. Амфора, украшенная дипинти в виде букв АΛ, стояла в ногах костяка, обращённого головой на восток, возле кисти его правой руки стоял «простой горшочек весьма грубой работы». Особенностью этой земляной гробницы, покрытой сверху досками, был слой морской травы, лежавшей поверх перекрытия.

Для некрополя раннего Пантикапея известны и погребения в «каменных гробницах». Так В.В. Шкорпил называл ямы «с каменным полом и крышкою», то есть имевшие каменную вымостку дна и перекрытие в виде одной или нескольких плит. Одна такая гробница 129 была открыта в 1902 г. на Эспланадной улице [Шкорпил, 1904, с. 96–97]. Длина её составляла 2,11 м, ширина 0,95 м, глубина 0,81 м; толщина верхней плиты – 0,32 м, боковых – 0,18 м. Гробница содержала двойное погребение – костяк, лежавший сверху головой на восток, был положен на останки предыдущего погребённого. В «кучах костей», оставшихся от раннего захоронения, были обнаружены обломки двух чернофигурных сосудов: большого лекифа, украшенного росписью по тулову и плечикам, и килика [Шкорпил, 1904, рис. 17, 18]. Второй из сосудов – килик Кассельской группы⁵, производство которых

⁵ Фрагмент килика этой группы был найден при раскопках Пантикапея [Сидорова, 1992, с. 194, рис. 11-Б].

началось в Афинах после 540 г. до н.э. и продолжалось до конца столетия. Лекиф, вероятно, был изготовлен в последней трети VI в. до н.э. Это даёт возможность отнести захоронение 129 в каменной гробнице (вероятнее всего, первое) к последней трети VI в. до н.э.

Ещё одна каменная гробница (могила 17) была обнаружена во время раскопок в 3-м Кладбищенском переулке [Шкорпил, 1914, с. 8]. В ногах костяка, лежавшего головой на юго-восток, стояла амфора «с тремя чёрными горизонтальными полосами ... по гладкой поверхности тулова» (вероятно, хиосская), у его левого плеча была найдена «изящная глиняная амфорка редкой формы, покрытая красно-жёлтым лаком и украшенная на подставке, туловище, ручках и венчике черными поясками» (вероятно, принадлежавшая к группе ионийской «полосатой» керамики), у правого – «амфорка из разноцветного финикийского стекла».

Ранние захоронения из некрополя *Нимфея* также имеют достаточно скромный облик. Отмечено, что позднеархаические погребения расположены компактно, к северо-востоку от города, непосредственно за городскими стенами, как бы составляя «единый комплекс в топографическом отношении» [Грач, 1999, с. 26]. По погребальному обряду эти захоронения, как и в Пантикапее, можно разделить на две группы – ингумацию и кремацию (первая количественно преобладает). К особенностям нимфейского некрополя можно отнести заглубление нижних частей могильных ям в скальный материк. Инвентарь обычно представлен одним-двумя сосудами, в женских могилах встречаются зеркала и украшения [Грач, 1999, с. 27 сл.]. Приведём описания нескольких погребений некрополя *Нимфея*, датирующихся доархеанактидовским временем. В их числе погребение A114, принадлежавшее мужчине 50-55 лет, совершенное в яме размерами 1,8 × 0,85 × 0,32 м, вырубленной в скале и имевшей углубления по углам, возможно, предназначавшиеся для ножек деревянного погребального ложа [Грач, 1999, с. 65]. Костяк лежал на спине головой на северо-восток, голени ног были перекрещены. Погребальный инвентарь представлен двумя сосудами – чернофигурным лекифом, на котором изображена сцена в палестре, и алабастром из «финикийского» стекла. Эти находки позволили датировать погребение в пределах второй половины – конца VI в. до н.э.

В погребении A59, относящемся к этому же времени и содержавшем костяк мужчины 30-35 лет, были найдены кольцообразный ионийский сосуд («аск») и аттический чернолаковый амфориск [Грач, 1999, с. 47-48, табл. 31]. Примечательно мужское погребение A44 [Грач, 1999, с. 45, табл. 23], представлявшее собой каменный ящик, вырубленный в скале и перекрытый досками, на которые был положен толстый слой морской травы-камки. Скелет лежал головой на северо-восток, у его левой лопатки был найден бронзовый трёхгранный наконечник стрелы, по-видимому, и послуживший причиной смерти погребённого. Аттический чернофигурный лекиф из этого погребения позволил датировать его последней четвертью – концом VI в. до н.э.

Женские захоронения иногда содержали более разнообразный инвентарь, как, например, погребение A55 [Грач, 1999, с. 46, табл. 27], принадлежавшее женщине

50-55 лет, в состав которого входили два массивных бронзовых браслета с гравированными львиными головками на концах, обломки аттических чернофигурного килика и чернолакового сосуда, пастовые бусины, пряслице. В ногах костяка был найден зуб коровы (остатки жертвенной пищи?).

Для позднеархаического нимфейского некрополя известно четыре погребения с оружием. Упомянем здесь два из них. В первом погребении А171 конца VI – начала V вв. до н.э. были обнаружены фрагментированный сосуд из разноцветного стекла, меч-акинак, 23 бронзовых, 1 железный и 1 костяной наконечники стрел, железный нож [Грач, 1999, с. 73-74, табл. 94]. В другом захоронении А60 были обнаружены железный акинак и костяная пластина с резным меандром [Грач, 1999, с. 48-49, табл. 33].

К концу VI – началу V вв. до н.э. принадлежат древнейшие грунтовые *могилы Китая*. Одно из захоронений (погребение 9) содержало протофасосскую амфору [Молев, Шестаков, 1991, с. 81, рис. 6, 1].

На Азиатском Боспоре в это время известны грунтовые погребения, самые «богатые» из которых содержали инвентарь, состоявший из нескольких столовых сосудов и украшений. Так, например, погребение 3/1938 *Таманского некрополя* (некрополь Гермонассы) [Гайдукевич, 1959, с. 165-166] содержало костяк, лежавший на спине головою на восток, возле левого его плеча был обнаружен ионийский арибаллический лекиф [Гайдукевич, 1959, рис. 15, 1], у левой руки, на которую были надеты два бронзовых браслета, находилась тарелка со следами чёрной краски и бронзовое колечко, пастовые бусины и свинцовые пронизи. Около таза погребённого лежал ионийский килик с «полосатой» росписью [Гайдукевич, 1959, рис. 16]. В ногах стояла ионийская амфора, украшенная поясками лака по тулову [Гайдукевич, 1959, рис. 15, 2], в ней было обнаружено несколько рыбьих и птичьих костей. Погребение надёжно датируется в рамках второй половины VI в. до н.э.

В погребении 5/1931 этого некрополя, относящегося к этому же времени, были найдены ионийский «полосатый» килик на высокой ножке [Гайдукевич, 1959, рис. 6], бронзовый и железный наконечники стрел [Гайдукевич, 1959, рис. 5]. Килики, обнаруженные в этих двух погребениях, принадлежат к типу, широко распространённому в Северном Причерноморье [Буйских, 2013, с. 95]. В некрополе Ольвии они встречаются в комплексах третьей четверти VI в. до н.э. [Скуднова, 1988, кат. 29, 114]. В двух погребениях второй половины VI в. до н.э. этого некрополя были обнаружены скифские акинaki [Гайдукевич, 1959, с. 186]. Для Таманского некрополя в целом отмечен достаточно высокий процент погребений, содержавших предметы вооружения [Завойкин, Сударев, 2006, с. 114 сл.], но специально об этом речь пойдёт ниже.

Для архаического некрополя *Кеп* самым распространённым типом погребального сооружения также являлась простая грунтовая могила, деревянные перекрытия ям были зафиксированы лишь в двух случаях [Сорокина, Сударев, 2000, с. 46–47]. Для VI–V вв. до н.э. здесь известно лишь одно захоронение в гробнице, сложенной из сырцовых кирпичей [Сорокина, Сударев, 2004, с. 253–255].

Для Тузлинского некрополя Н.П. Сорокина выделила 9 могил, относящихся к VI в. до н.э., 28 могил, которые можно датировать в рамках конца VI – начала V вв. до н.э., и 13, относящихся к V в. [Сорокина, 1957, с. 7, 12]. Все ранние могилы представляют собой ямы подпрямоугольной формы, перекрытые досками и имевшие поверх перекрытия засыпку из песка, морской травы (камки), песка, перемешанного с раковинами и травой [Сорокина, 1957, с. 8 сл.]. Все могилы содержали по одному погребённому в вытянутом положении, с преобладанием восточной ориентировки. На рубеже VI–V вв. до н.э. появляется новый тип могилы – сырцовая гробница [Сорокина, 1957, с. 13 сл.]. Инвентарь ранней группы погребений представлен привозными ионийскими столовыми сосудами. К числу древнейших находок, которые можно датировать в пределах второй четверти VI в. до н.э., относятся ионийские чаши, среди которых есть экземпляры с орнаментом в виде точечных розеток [Сорокина, 1957, с. 9, рис. 1, 1, 2].

Материалы второй половины VI в. до н.э. более многочисленны. Одно из «богатых» захоронений этого времени – детское погребение 1/III, раскопанное в 1913 г. В.В. Шкорпилом [Шкорпил, 1913, л. 60-61; Сорокина, 1957, с. 8]. Оно было совершенно в яме, перекрытой досками, поверх которых был насыпан слой песка, смешанного с раковинами. Могила содержала костяк, лежавший головой на восток. Инвентарь составляли три ионийские сосуда: у правого колена погребённого были найдены обломки амфоры (Tosta type), украшенной изображениями горного козла в метопах плечевого фриза [Фармаковский, 1914а, табл. XI, 1; Сорокина 1957, табл. I], и килика на высокой подставке [Фармаковский, 1914а, табл. XI, 2; Сорокина, 1957, рис. 2, 3; табл. 8, 1], у его левого плеча стоял арибалический лекиф с росписью в виде поясков и волнистых линий [Фармаковский, 1914а, табл. XI, 3; Сорокина, 1957, табл. 7, 1]. Вещевой комплекс погребения позволяет датировать его в пределах второй половины VI в. до н.э., причём, по-видимому, наиболее вероятным временем захоронения представляется конец второй – начало третьей четверти столетия [Вахтина, 2015].

Часть могил Тузлинского некрополя была разграблена. Из ограбленных могил в Императорскую археологическую комиссию в начале XX в. поступили два художественных привозных сосуда, которые можно отнести ко второй половине VI в. до н.э.: клазоменская амфора с изображением лани [Энман, 1912, табл. VII-XI; Книпович, 1955, с. 360, рис. 3; Сорокина, 1957, табл. 2] и столовая ионийская амфора с изображениями быка и козла в метопах плечевого фриза [Руднева, 1912, табл. XII-XII; Сорокина, 1957, табл. 5].

Инвентарь непогребённых погребений достаточно скромнен, в погребениях, как правило, обнаруживали один или несколько сосудов, бронзовые украшения, предметы туалета. Например, в земляной гробнице 55 (10) вместе с образцами ионийской «полосатой» посуды (два килика и ойнохоя) было обнаружено бронзовое зеркало «ольвийского» типа, ручка которого была украшена фигурками оленя и барана [Шкорпил, 1914, с. 23].

Очень интересны погребения могильника у бывш. хутора Кротенко, располо-

женного между мысами Тузла и Панагия. Открытые здесь захоронения по обряду близки комплексам Тузлинского некрополя. Приведём подробное описание лишь одного из погребений этого могильника, «земляной гробницы» 3, раскопанной в 1911 г. В.В. Шкорпилом. Могильная яма, имевшая 1,45 м в длину и 0,85 м в ширину была покрыта досками, поверх которых был насыпан слой песка, смешанного с устричными раковинами. У пояса погребённого, обращенного головой на восток, была найдена бронзовая бляха «с неясным изображением птиц, стоящих друг против друга» [Шкорпил, 1911, л. 130]. В правой руке находились обломки алабастра из белого «финикийского» стекла, с чёрными горизонтальными полосками и зигзагами, в левой – амфорка из синего «финикийского» стекла с жёлтыми и голубыми зигзагами; рядом находились чернолаковая тарелка и три фрагментированные терракотовые фигурки (сидящая на троне богиня, женская протома и кукла с подвесными руками и ногами), бронзовая иголка и два пряслица (глиняное и свинцовое). Возле головы были найдены бронзовые «серьги-подвески в виде овально свёрнутого два раза прутика, украшенного на обоих концах пирамидками из шариков», в ногах – обломки чернолакового килика и ойнохоя «с двойной ручкой и двумя красными горизонтальными полосками по туловищу» [Шкорпил, 1911, л. 130–131]. Судя по описанию, серьги-подвески из этого погребения относятся к достаточно распространённому типу украшений – височным кольцам. Подобные им встречаются в некрополях многих боспорских городов, начиная с позднеархаического времени. Погребение, по-видимому, можно датировать концом VI – началом V вв. до н.э. Размеры могильной ямы показывают, что оно принадлежало ребёнку. Ряд захоронений могильника содержал ионийскую керамику, позволяющую датировать их в пределах второй четверти VI в. до н.э. или началом третьей четверти, как, например, захоронение 66 [Шкорпил, 1914, с. 26–27, рис. 14, 15].

Погребения конца VI – начала V вв. до н.э. исследованы на *некрополе Тирамбы*. К этому времени, например, принадлежала детская могила 106, содержащая костяк, лежавший на спине головой на восток; у его правой руки находились коринфский скифос и чернолаковая чашечка, рядом лежали железные нож, шило и игла, в могиле также были найдены два пряслица и бронзовое колечко [Коровина, 1987б, с. 17].

Могила 136, датированная тем же временем, также содержала вытянутый на спине костяк длиной 160 см, лежавший головой на восток. Около запястья правой руки лежали бронзовое зеркало и чернолаковая чаша на высокой ножке, около висков – бронзовые височные кольца с «пирамидками» на концах, на пальцах были надеты перстни (один серебряный и три бронзовых), в ногах стояли кувшин с «полосатым» орнаментом, миска и скифос с орнаментом в виде полос и меандра, здесь же были обнаружены кости барана. Примечательной особенностью этого интересного погребения является найденная под зеркалом лепная кружка с биконическим туловом [Коровина, 1987б, с. 17, рис. 12, 14].

Могила 145 некрополя Тирамбы, относящаяся к началу V в. до н.э., содержала

парное погребение. Около женского костяка были найдены бронзовые украшения и небольшая пиксида [Коровина, 1987б, с. 15, рис. 11, 2], возле мужского – железный меч-акинак [Коровина, 1987б, с. 19].

С конца VI в. до н.э. вокруг таких центров Азиатского Боспора, как *Фанагория*, *Гермонасса*, *Горгиптия* и *Кепы*, начали формироваться курганные некрополи местного населения, содержавшие греческие вещи [Паромов, 2002, с. 192 сл.; Алексеева, 1991, с. 56 сл.].

Даже краткий обзор погребальных памятников, связанный с начальным периодом существования греческих центров Боспора, показывает, что погребальные сооружения этого времени были достаточно просты и непритязательны. В могилу в качестве сопутствующего инвентаря могли помещать дорогие привозные сосуды, однако в большинстве случаев инвентарь был достаточно скромным. Уже в этот ранний период в обряде появляются черты, которые достаточно длительное время рассматривались как результат влияния негреческой, варварской традиции – скорченное положение погребённых, обычай класть в могилы оружие, амфоры, заупокойную пищу, использование сырцового кирпича и другие особенности. В целом же погребальный обряд и инвентарь не позволяют выделить хотя бы гипотетически для доархеанактидовского времени пласт погребений, который можно было бы соотнести с элитой боспорских городов. Конечно, можно рассуждать об относительном «богатстве» инвентаря того или иного погребения, как правило, совершённого на том же участке, где совершались и более «скромные» захоронения, или же о «богатстве» некрополя одного греческого поселения по сравнению с некрополем другого. Но не более того! Несомненно, изначально в каждом греческом центре Боспора существовала группа людей, принадлежавших к верхушке общества, составлявших его элиту. Эти люди могли отличаться благосостоянием, выделяться благородством происхождения, обладать навыками и талантами (или же обладать одновременно всеми этими качествами), позволявшими им занимать высокое общественное положение. Однако высокий социальный статус элитных групп боспорского общества не нашёл отражения в тех захоронениях, которые дошли до наших дней, той погребально-поминальной обрядности, которую мы в состоянии реконструировать на основании имеющихся в нашем распоряжении артефактов. На общем фоне материалов, с которыми мы можем оперировать, достаточно условно определяемое «богатство» тех или иных погребальных комплексов не может служить надёжным критерием; для этой эпохи обилие/разнообразие материала часто являлось отличительной особенностью, прежде всего женских и детских погребений.

Мы склоняемся к тому, чтобы относить к элитным ряд погребений группы захоронений с сожжением, в первую очередь те, где в качестве урн были использованы дорогие расписные сосуды (некрополи Пантикапея и Нимфея). Однако приходится признать, что это не более чем предположение.

Если мы сравним комплексы ранних боспорских некрополей с материалами из

некрополей других греческих городов Северного Причерноморья, то мы и там не сможем выделить «пласт» элитных погребений. Наиболее хорошо изученным является *архаический некрополь Ольвии*, самой значительной греческой колонии Северо-Западного Причерноморья [Козуб, 1974; Скуднева, 1988]. Первой и, на наш взгляд, наиболее интересной особенностью архаического Ольвийского некрополя, отличающей его от некрополя Пантикапея, является отсутствие «ярких» комплексов трупосожжений. Кремации фиксируются в Ольвии лишь с V в. до н.э., причём захоронения по этому обряду составляют незначительную группу погребений [Козуб, 1974, с. 18, 31 сл.].

Грунтовые же могилы Ольвии по сравнению с известным нам ранним пластом боспорских погребений выглядят, пожалуй, более интересными, «богатыми», а также более «перспективными» с точки зрения выявления захоронений, принадлежавших представителям верхней прослойки местного общества. Типы могильных сооружений, при всей их скромности, имеют более широкий набор индивидуальных особенностей [Скуднева, 1988, с. 9 сл.]. Погребальный инвентарь целого ряда ольвийских могил отличается «богатством» и разнообразием. Так, например, грунтовая могила 232, датированная последней четвертью VI в. до н.э., содержала захоронение в деревянном саркофаге. Кроме столовой керамики и амфор, здесь был обнаружен целый набор золотых и серебряных украшений [Скуднева, 1988, с. 148–150]. В другой грунтовой могиле 64 было найдено около 20 сосудов, в основном дорогих привозных [Скуднева, 1988, с. 118–122, кат. 182]; из этого комплекса также происходят золотые украшения, «ольвийское» зеркало и алабастровая «курильница» [Фармаковский, 1914а, табл. IV, нижний ряд; VI, 2; Скуднева, 1988, с. 121, кат. 182]. Могила 7 также содержала набор дорогих сосудов и золотые украшения [Скуднева, 1988, с. 50–53]. Ничего подобного пока не удастся обнаружить в древнейших некрополях даже самых значительных боспорских центров, например, в могилах Пантикапея или Нимфея. Для Ольвийского некрополя, так же как и для синхронного пласта ранних боспорских погребений, известны захоронения с оружием [см., например: Скуднева, 1960; 1988, с. 68, кат. 85; с. 80, кат. 116; с. 101, кат. 150; с. 159, кат. 243], изделия в «зверином стиле» [например, Скуднева, 1988, с. 55, кат. 55]. Интересной особенностью Ольвийского некрополя являются находки каменных блюд, подобные которым встречаются в составе инвентаря скифских курганов лесостепи [Скуднева, 1988, с. 31–32]. Таким образом, при несомненном греческом облике раннего Ольвийского некрополя в его обряде и инвентаре также присутствуют «варварские» черты.

В дальнейшем мы попытаемся понять, изменился ли облик погребений боспорских городов с течением времени, появились ли в эпоху Археанактидов какие-либо черты погребального обряда, позволяющие выделить захоронения боспорской элиты. И в целом – какие изменения по сравнению с предшествующим, «постколониационным», доархеанактидовским временем можно обнаружить в материалах боспорских некрополей.

1.4. Археанактиды

Об Археанактидах и их правлении на Боспоре мы можем судить на основании единственного свидетельства – отрывке из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского [XII. 31. 1], в котором сообщается о том, что в 438/37 г. до н.э., когда «в Азии исполнилось 42 года царствования на Киммерийском Боспоре царей, называемых Археанактидами, царскую власть получил Спарток и правил 7 лет» (пер. В.В. Латышева). Из этого пассажа следует, что начало правления Археанактидов можно относить к 480/79 г. до н.э. Как полагал М.И. Ростовцев, Диодор имел в своём распоряжении источник, подробно рассказывающий об истории Боспора, хронограф – список имён боспорских правителей, причём «в списке, лежавшем перед глазами Диодора, намечены были не только первые архонты Боспора, но и позднейшие, вероятно, вплоть до времени автора списка [Ростовцев, 1925, с. 125]. Хрестоматийным стало и предположение М.И. Ростовцева о том, что в основу труда Диодора был положен «местный исторический труд .., инспирированный Евмелом или кем-нибудь из его прямых потомков» [Ростовцев, 1925, с. 126], т.е. произведение, по всей вероятности, «заказанное» верховной властью Боспорского государства в период наибольшего его расцвета и могущества, которого оно достигло в IV в. до н.э.⁶ Несомненно, и о блестящей эпохе Спартокидов, и о представителях этой династии, в течение веков правившей на Боспоре, мы знаем несоизмеримо больше, чем о несколько загадочных Археанактидах⁷. В нашем сознании сравнительно краткая эпоха правления последних выступает в некоторой «оппозиции» к эпохе Спартокидов. Вероятно, это представление, в частности, отражено и в периодизации, разработанной А.А. Завойкиным для политической истории Боспорского государства V–II вв. до н.э. [Завойкин, 2014, с. 39 сл.]. Согласно этой периодизации, первый выделенный автором период, начавшийся в 480/79 г. и оканчивающийся около рубежа V–IV вв. до н.э., сводится к одному, 1 этапу, содержанием которого названа «пантикапейская (полисная) тирания» [Завойкин, 2014, с. 40-41]. Даже на подсознательном уровне, опираясь на общие представления об историческом развитии Боспора и современные данные археологии, совершенно очевидно, что и характер правления, и облик Боспорского государства (территориальный, хозяйственный, культурный), векторы основных экономических и политических связей и пр. во времена правления династии Спартокидов носили несколько иной (а иногда и совершенно иной) характер. Однако и преемственность между двумя этими эпохами – Археанактидов

⁶ Такое внимание к прошлому и желание увековечить славные или значимые моменты истории весьма характерны для держав, переживающих периоды экономического подъёма, часто совпадающего с ростом «национального самосознания» и стремления его элиты к самоидентификации. Вспомним в этой связи хотя бы о «заказе» многотомной «Истории государства Российского», предложенном императором Александром I Н.М. Карамзину.

⁷ По справедливому замечанию, оброненному некогда Д.А. Мачинским, «Об Археанактидах мы достоверно знаем только то, что они были».

и Спартокидов – не вызывает сомнений, «время Археанактидов» сменило «время Спартокидов» и имена правителей, пришедших к власти в начале каждой из этих эпох, последовательно отражены в дошедшем до наших дней источнике.

Располагая столь скудными данными письменной традиции, учёные постоянно предпринимают попытки приблизиться к пониманию того, что же представляли собой ранний Боспор и его правители⁸. Пытаясь реконструировать конкретно-историческую ситуацию, они обычно используют два основных метода: 1) привлекают данные, почерпнутые из других литературных свидетельств, освещающие историю политической борьбы и формы правления, существовавшие в других центрах греческого мира в эпоху поздней архаики, обращаясь в поисках параллелей как к истории Афин, так и других центров, например в Малой Азии, где располагался Милет – метрополия большинства колоний Северного Причерноморья, 2) на основании археологических источников пытаются предложить реконструкцию ситуации, сложившейся в Боспорском регионе на рубеже первой-второй четвертей V в. до н.э. Справедливо полагая, что появление «первых известных нам правителей» свидетельствует о некоей консолидации и концентрации политической власти, исследователи пытаются ответить на вопрос, чем же могло быть вызвано возникновение «правления Археанактидов», на какой «вызов» вынуждена была ответить молодая боспорская элита?

Среди проблем, которые приходится решать учёным, обратившимся к проблеме боспорских Археанактидов, можно выделить несколько вопросов, привлекающих наиболее пристальное внимание. Самым важным, несомненно, является вопрос о форме, в которую была облечена власть этих правителей. Как справедливо отмечал ещё В.В. Шкорпил [1918, с. 56], выбор исследователей невелик – обычно они колеблются между олигархической и тиранической формами правления⁹. Ю.Г. Виноградов, разработавший гипотезу о военной симмахии, сложившейся на берегах Киммерийского Боспора, а затем сменившейся тиранией Археанактидов [Виноградов Ю.Г., 1983, с. 440 сл.], писал и о том, что правление «Археанактидов не могло взойти на почве демократии» [Виноградов Ю.Г., 1989, с. 77]. Е.А. Молев полагает, что изначально власть Археанактидов была определена полисными законами, однако вскоре превратилась в тиранию [Молев, 2003, с. 134]. В настоящее время системы взглядов в пользу тиранической формы правления Археанактидов наиболее последовательно и аргументированно изложены в работах А.А. Завойкина [2001, с. 153; 2011, с. 291–299; 2014, с. 40 сл.], а также С.Ю. Сапрыкина [2003, с. 19].¹⁰

⁸ Подробнее об эволюции гипотез о происхождении боспорских Археанактидов см. Чурекова, 2012, с. 146 сл.

⁹ Обзоры существующих точек зрения см. Виноградов, 2002; Завойкин, 2013 с. 22–48; 2014.

¹⁰ Существуют и компромиссные точки зрения, предлагающие, например, видеть в правлении Археанактидов тиранию, формально облечённую в форму амфиктонии – религиозного союза, сложившегося на основе некоего «раннего боспорского объединения» под эгидой Пантикапея [Борисова, 2006, с. 16–17, 24–25].

Толстикова, 2015, с. 477 сл.] Таким образом, «речь в боспорском первоисточнике шла о том, что Боспором 42 года правили власти/магистраты, восстановившие прежний порядок жизни»; привлекая археологические данные о дестабилизации этнополитической ситуации в районе Боспора в первое двадцатилетие V в. до н.э., автор этой интересной идеи приходит к небезосновательному убеждению, согласно которому «в 480 г. до Р.Х. на Боспоре было что восстанавливать» [Шелов-Коведяев, 2014, с. 62]. Вместе с тем, не говоря уже о чересчур усложнённом подходе к «исправлению ошибок» письменного источника, достаточно трудно, на наш взгляд, представить себе этих «магистратов-восстановителей», в течение почти полувека занимавшихся «восстановлением порядка» (какого?) на Боспоре. Столь же сложно представить себе и то, что «именно они вручили власть родоначальнику тиранической династии Левконида Спартоку I» [Шелов-Коведяев, 2014, с. 63]. Позже Ф.В.Шелов-Коведяев, развивая эту гипотезу, предположил, что «новые ктисты» были группой лиц, повторно, заново, основавшей Пантикапей. Эта группа, по его мнению, должна была состоять из потомков аристократических родов, прибывших из метрополии, причём природа их власти коренилась в том высоком статусе, которым, по традиции, обладал *ойкист* [Шелов-Коведяев, Толстикова, 2015, с. 476–477]. Эта гипотеза, достаточно остроумная и интересная, все же, на наш взгляд, вызывает достаточно много возражений.

Предлагавшиеся «традиционные» системы взглядов о возможной тиранической или олигархической форме правления Археанактидов, равно как и о том, что за этим именем стояли вполне реальные потомки первых греческих переселенцев, гораздо более соответствует нашим представлениям о жизни и политическом устройстве греческих полисов в позднеархаическое и раннеклассическое время. К сожалению, в нашем распоряжении имеются довольно немногочисленные свидетельства о том, в чьих руках была сосредоточена власть в метрополии большинства боспорских колоний – Милете – в эпоху его колонизационной активности. Однако, скорее всего, там имела место олигархическая форма правления, многие традиции которого сохраняли и пришедшие к власти тираны [Robertson, 1987, p. 398].

Исходя из «контекста эпохи», из того, что мы знаем о формах государственности в Древней Греции архаического и классического времени, вряд ли есть повод подвергнуть хотя бы малейшему сомнению «благородство происхождения» Археанакта и его потомков. Пожалуй, это единственное положение, которое не оспаривается никем из исследователей. Еще В.В. Шкорпил называл Археанактидов выходцами из старинных аристократических семейств [Шкорпил, 1918, с. 55–56]. Широко известна гипотеза С.А. Жебелёва, напрямую связывавшая боспорских Археанактидов с родом Археанактидов, засвидетельствованным в Милете [Жебелёв, 1930, с. 817 сл.; 1953, с. 70]. Ему возражал В.Д. Блаватский, считавший, что это «не более, чем предположение», и полагавший родство боспорских Археанактидов со знатным родом Археанактидов из Митилены [Блаватский, 1954, с. 37–38]. Опираясь на сведения Страбона об Археанакте Митиленском [Strab. XIII. 1. 38] и сопоставив эти данные

со свидетельством Евстафия об основании Гермонассы митиленцами [Eust. Comm. ad Dion. Per. 549], виднейший советский боспоровед высказался в пользу «главенства» этого центра над азиатской частью Боспора¹¹. В.Ф. Гайдукевич полагал, что Археанакт, родоначальник первой известной боспорской «династии», «... был *ойкистом*, т.е. главой первого отряда милетских переселенцев, основавших колонию Пантикапей. Во всяком случае, род Археанактидов, ведущий своё происхождение из Милета, несомненно играл руководящую роль в жизни милетской колонии Пантикапея» [Гайдукевич, 1949, с. 43–44].

Ещё один немаловажный вопрос, привлекающий внимание исследователей, это вопрос о «территории Археанактидов», вопрос о том, где была резиденция первых известных нам правителей Боспора, на какие центры распространялась их власть? В настоящее время представляется достаточно очевидным, что к 480/79 гг. до н.э. Боспорское государство не имело того «завершённого» вида, какой оно обрело, скажем, во второй половине IV в. до н.э., что целый ряд важнейших центров (таких, например, как Нимфей, Феодосия на Европейском Боспоре и Фанагория, Кепы и Гермонасса на Азиатском) оставался самостоятельным. В отношении т.н. «малых» городов Боспора, таких как Мирмекий, Порфмий, Парфений, Тиритака, исследователи предлагают разные точки зрения, от признания их появления в результате процесса «внутренней колонизации» [Виноградов, 1993а, с. 68; 2005а, с. 221–223; Сапрыкин, 2006, с. 180–181] и вхождения изначально в состав пантикапейского полиса до гипотезы об их основании как независимых полисных центров [см., например: Кузнецов, 2000в, с. 31–32; 2001, с. 247–248; Зубарь, Зинько, 2006, с. 16]. Несомненным представляется одно – говорить о Боспоре как о территориальной державе можно лишь для периода правления Спартокидов, возможно, начиная с восшествия на престол Левкона I в 393/392 г. до н.э. [Завойкин, 2013, с. 394 сл.].

Как известно, в сообщении Диодора говорится о том, что Спартокиды получили власть после того, как Археанактиды правили «в Азии». Многие исследователи отмечали противоречие в тексте источника, так как ниже отдельно оговаривается переход к описанию событий «в Азии» [обзор мнений см.: Завойкин, 2011а, с. 294 сл.]. Сейчас большинство учёных склонны видеть основной резиденцией Археанактидов Пантикапей. А.А. Завойкин считает эту точку зрения наиболее вероятной, исходя из преемственности власти, которая после краткого правления Археанактидов перешла к Спартокидам (столицей которых, безусловно, был Пантикапей) [Завойкин, 2011а, с. 294]. Приверженцем точки зрения о возможном пребывании Археанактидов в Гермонассе остаётся Ю.А. Виноградов, обративший внимание на расцвет Гермонассы в V в. до н.э., о котором свидетельствуют данные археологии [Виноградов Ю.А., 2005, с. 260–261, там же см. литературу по проблеме сложения объединения Археанактидов на азиатской части Боспора]. Напомним, что буквальное следование тексту Диодора опиралось, в частности, на тот факт,

¹¹ Подробнее о концепции В.Д. Блаватского см. Завойкин, 2013, с. 26–27.

что источники упоминают Археанакта Митиленского, известного как основатель Сегеи, а Гермонасса была основана митиленцем Семандром [Виноградов, 2005а, с. 261; Завойкин, 2011а, с. 295]. По мнению Ю.А. Виноградова, «вероятность того, что именно Гермонасса стала центром симмахии Археанактидов, нельзя считать абсолютно невозможной» [Виноградов, 2005а, с. 261]. В пользу того, что «митиленская версия» происхождения Археанактидов наряду с «милетской» также имеет право на существование, высказалась и Н.Б. Чурекова [Чурекова, 2012; 2014]. Исследовательница полагает, что представители рода Археанактидов, скорее всего, оказались на Боспоре в самом начале VI в. до н.э., причём целый ряд соображений, по её мнению, свидетельствует в пользу того, что они первоначально обосновались и возвысились в азиатской части Боспора, и лишь позже их потомки распространили своё влияние на Пантикапей [Чурекова, 2014, с. 179–180].

Для того, чтобы приблизиться к пониманию, кем же были (или могли быть) Археанактиды, 42 года правившие на Боспоре, и их родоначальник Археанакт, возможно, стоит обратиться к тем данным о греках–основателях поселений на новых землях, которые дошли до наших дней [обзор основных направлений в изучении этой глобальной проблемы на современном этапе см.: Tsetskhladze, 2006].

Отмечено, что в разработке концепций, связанных с пониманием такого сложного и многогранного явления, как греческая колонизация (развитие отдельных вопросов в русле этих концепций), решающую роль играют данные античной письменной традиции, освещающей фундаментальные факты, касающиеся основания колоний [Graham, 1971, p. 36–38]. Однако данные археологии также постоянно привлекаются исследователями.

«Агональный», соревновательный характер греческой культуры, наиболее полно проявившийся в VI–V вв. до н.э. [Андреев, 1998, с. 186 сл.], во многом способствовал превращению греков в «вечных мореплавателей» и неутомимых путешественников. Весьма характерно, что предводителем одной из ранних групп афинских колонистов был победитель Олимпийских игр Фринон [Herod., V, 94; Strab. XIII, 599; см.: Graham, 1982², p. 121].

Не случайно в это время столь широкую популярность получают поэмы Гомера, сказания о героях, многие из которых, как, например, Геракл или Тесей, совершали славные подвиги в дальних странах [Fox, 2008, p. 30 сл.], достигая в своих путешествиях границ ойкумены [Gantz, 1993, p. 123 сл.].

Известно, что большинство греческих колоний были основаны в достаточно короткий отрезок времени в результате экспедиций, организованных метрополиями, под руководством определённого человека, предводителя экспедиции, архегета или *ойкиста* (named individual), имя которого сохранилось в письменных источниках и «декретах основателей» [Monmark, 2007, p. 171]. Полагают, что в обязанности *ойкистов* входила организация общественного и хозяйственного уклада основанного поселения, причём важнейшую роль в освоении новых земель играла организация культовой практики. Утверждение культа божества рассматривалось как принци-

Античная письменная традиция (сообщения древних авторов и эпиграфические источники) донесла до нас свидетельства о таких предводителях, *ойкистах*, лидерах и организаторах групп греческих переселенцев. Полагают, что, особенно в раннее время, *ойкист* должен был обеспечивать на новом месте развитие основных направлений политики, государственного устройства, организацию отправления культов, присущих метрополии. Мы знаем о том, что в роли *ойкистов* часто выступали сыновья знаменитых тиранов (Кипсела, Писистрата) [Graham, 1964, p. 30–34], которые, несомненно, могли быть надёжными «проводниками» политики метрополии. О подробностях колонизационной практики эпохи архаики наиболее полно можно судить на примере основания Кирены в Ливии и снаряжения с этой целью экспедиции из Феры. Для этого эпизода мы располагаем достаточно редким случаем, когда подробное сообщение историка находит соответствие в тексте эпиграфического источника, обнаруженного в XX веке. Рассказ Геродота [Herod. IV. 150-156] повествует о жителе Феры–Батте, который, по указанию Дельфийского оракула, был избран предводителем и царём переселенцев. Свидетельства об обращении Батта к Дельфийскому оракулу содержат и Пифийские оды Пиндара [Pind., Pyth. 4. 5; подробнее см.: Richards, 2011, p. 1-2]. Примечательно, что по одной из версий [Herod. IV. 154-156] Батт был не только выходцем из знатной семьи – по материнской линии его происхождение восходило к царскому роду. Свидетельство Геродота дополняют данные т.н. «стелы основателей» – уникального документа, высеченного на мраморной стеле, обнаруженной в Кирене [об истории изучения см.: Яйленко, 1982, с. 61 сл.]. Памятник этот принадлежит к так называемым «декретам основателей» [Graham, 1964, p. 40 сл.]. Хотя, по мнению исследователей, язык текста этого документа не может полностью принадлежать VII в. до н.э. (эпохе, когда была основана Кирена), по-видимому, в его содержании отражён аутентичный документ, подвергшийся позднейшей редакции [Graham, 1964, p. 41; Яйленко, 1982, с. 67]. Текст «стелы основателей» не только обнаруживает соответствия с текстом Геродота, называя Батта царём и предводителем колонистов, но и описывает практику «рекрутирования» участников экспедиции и будущих колонистов (от каждого дома предписывалось брать по одному сыну, причём в число колонистов должны входить только свободные граждане).

Для того, чтобы задуманная экспедиция, связанная с преодолением трудностей путешествия и освоения новой территории, увенчалась успехом, во главе предприятия должен был стоять человек, наделённый незаурядными качествами, среди которых стоит назвать решительность, силу воли, способность нести ответственность, авторитет в социуме, и, что немаловажно, обладать тем, что сейчас принято называть «харизмой». Огромную роль играло и происхождение. Один из основателей Милета, Нелей, по преданию, был сыном афинского царя Кодра (Paus. VII. 11. 6). Павсаний, сообщивший, что он увёл за собой на чужбину «добровольцев из афинян», но основную часть его сподвижников составляли ионяне, упоминает о том, что это был третий морской поход из Эллады, которыми руководили цари, бывшие другого происхождения, чем тот народ, который следовал за ними (Paus. VII. 11. 2). Другой сын

вынуждено удовлетвориться ролью советника и контролёра», однако очень скоро «жреческая община перехватила инициативу посредством установления тесных связей с крупными торговцами-капитанами кораблей» [Козловская, 1990, с. 33].

Историки, следуя известному сообщению Геродота (*Herod. V. 42. 2*), отмечают существование обычая, предписывающего во время подготовки «колониальных экспедиций» обращаться за советом к оракулам. В материковой Греции самый почитаемый был в Дельфийском святилище, для Ионии – в Дидимах. Некоторые исследователи, правда, не считают эту практику обязательной в каждом конкретном случае, особенно для VIII–VII вв. до н.э. Однако многие полагают, что, по крайней мере, с начала VI в. до н.э. (т.е. в период ионийской колонизации Боспора) обращение к оракулу было достаточно распространённым явлением [Graham, 1964, p. 25, ссылка 3; Кузнецова, Чурекова, 2007, с. 36 сл.]. Вероятно, жречество, связанное со знаменитыми храмами, располагало информацией о дальних землях и могло играть значительную роль как в определении колониальной политики того или иного полиса, так и снабжать ценными данными отдельные группы колонистов и их предводителей [Graham, 1964, p. 26-27].

Мы знаем, что главным культом многих городов Северного Причерноморья, основанных под эгидой Милета, был культ Аполлона, игравший главную роль в метрополии. И.Е. Суриков на примере афинского рода Алкмеонидов показал связь знатных семейств со святилищем Аполлона в Дельфах [Суриков, 2000, с. 41 сл.]. Ионийские центры поддерживали тесную связь с храмом Аполлона в Дидимах. Из Милета в святилище вела знаменитая «священная дорога», вдоль которой в архаическое время были установлены скульптуры, многие из которых, судя по дошедшим до нас надписям, являлись посвятельными дарами аристократических семей [Jeffery, 1978, p. 211]¹².

Как полагают исследователи, в колониях культы божеств, чтимых в метрополиях, утверждались достаточно быстро [Polignac, 1995, p. 98–100]. Существует мнение, что традиция греческого теменоса – это традиция сельского святилища, созданная общинами, пережившими катаклизмы миграционного периода «тёмных веков» Греции, в развитии которой приняли участие мигрирующие группы населения, вынужденные селиться на новых территориях [Семина, 1992, с. 9]. Бесспорно, совершение ритуалов, жертвоприношений, организация процессий к местам их проведения служили и идеям единения коллектива граждан, как бы конституировали ритуальное сообщество [Семина, 1996, с. 127].

Для греческого общества характерна посмертная героизация основателей

¹² В другое знаменитое в ионийском мире святилище Геры на о. Самос также вела «священная дорога», по сторонам которой возвышались монументальные скульптуры. В них исследователи видят посвятельные дары знатных и уважаемых семейств Самоса; существует мнение, что эти скульптуры являлись изображениями вполне конкретной семьи из шести человек, причём одно из изваяний принадлежало женщине [Cook, 1963, p. 102-103, fig. 31].

ка зрения о связи рода Археанактидов с чеканкой серебряной монеты с надписью АПОΛ, имевшей хождение во второй четверти – середине V в. до н.э. и, выпуск которой, возможно, связан с т.н. «храмовой чеканкой» Пантикапея [Виноградов, 2002, с. 188], представляется нам заслуживающей внимания, несмотря на возможные контраргументы [см., напр.: Завойкин, 2013, с. 45-46; 55-56]. Таким образом, мы не можем отказаться от достаточно традиционного подхода, в рамках которого Археанакт, вероятно, был представителем аристократического рода, *ойкистом* ранней «колониционной экспедиции». Возможно, он (и/или представители его рода) были владельцами одного или нескольких кораблей, использовавшихся для осуществления колониальных экспедиций. Не исключена возможность и того, что он был вынужден покинуть родину вследствие поражения (или ввиду бесперспективности борьбы) его группировки в острой внутривосточной политической борьбе и отправиться «искать счастья» на новых землях. Вероятно, в его руках изначально была сосредоточена определённая власть в организации социальной и политической жизни нового поселения, а также отправление культа Аполлона (а, возможно, и других культов). Его потомки, по-видимому, сохранили лидирующее положение в новой общине и приумножили свое благосостояние. Исследователи справедливо обращают внимание на то обстоятельство, что правителями Боспора они были признаны лишь через несколько поколений после основания первых греческих поселений региона. Как представляется на современном этапе наших знаний об истории Боспорского государства, их приходу к власти могли способствовать вполне конкретные причины, на которых мы остановимся ниже.

1.5. Ситуация на Боспоре к моменту прихода к власти Археанактидов

На страницах научной печати неоднократно отмечалось, что ситуация, сложившаяся на Боспоре к 480 г. до н.э., характеризовалась целым рядом кардинальных перемен как во внешней, «мировой» политике, так и в жизни греческих поселений на берегу Боспора Киммерийского. Также отмечалось, что перемены эти носили в основном негативный характер [Толстиков, 1984, с. 30–32; Виноградов, 2005а, с. 239 сл.; Завойкин, 2013, с. 49 сл.].

Как известно, связи, устанавливающиеся между колониями, основанными выходцами из ионийских центров, и метрополиями, отличались различной степенью близости. В ряде случаев поселения, удалённые от метрополии, выступали «проводниками» её политики, воссоздавая, в частности, близкое подобие её социально-политического устройства, получая «руководящие» указания «из центра»; жители колоний продолжали считаться гражданами метрополии, сохраняя все вытекающие из этого права, и пр. На основании имеющихся у нас данных трудно судить о политических отношениях между Боспором и Ионией, между Пантикапеем и Милетом на раннем этапе освоения греками Северо-Восточного Причерноморья. Однако можно предположить, что ионийские колонии в этом регионе были в силу своей удалён-

ности достаточно самостоятельными в сфере политического устройства и, скорее всего, более следовали традициям, нежели указаниям, которые могли бы поступать из далёкой метрополии. Во многих случаях отношения с метрополией могли носить номинальный характер, лучше всего проявляясь в осознании духовной связи с родиной предков и отражаясь, прежде всего, в сфере культовой практики. Археологические материалы позволяют говорить также о достаточно интенсивных экономических связях между поселениями Боспора и греческими центрами Малой Азии в архаическое и раннеклассическое время: во время раскопок слоёв и комплексов, принадлежавших к этому периоду, среди импортной продукции преобладают изделия (прежде всего, образцы тарных амфор и столовой посуды), вышедшие из мастерских городов северной и южной Ионии и Эолии. Духовная связь с метрополией также нашла отражение в материальной культуре, проступая в убранстве и, по-видимому, внешнем облике возводимых храмов. Характерно, что при сооружении первых алтарей и храмов на новых территориях греческие колонисты, как правило, ориентировались на наиболее чтимые святилища метрополии, как бы «воспроизводя» их облик. Так, например, храм Афродиты на Березани, датированный концом VI – началом V вв. до н.э. и представлявший собой антовый храм с портиком открытого типа, близок по своим пропорциям архаическому храму Афины на Калабак-Тепе в Милете. Как полагает С.Д. Крыжицкий, храм на Березани отличается от него лишь размерами [Крыжицкий, 2012, с. 18–19]. Этой же традиции причерноморские греки следовали, вероятно, и в убранстве других храмов и святилищ.

В 1983 г. в окрестностях Фанагории была случайно найдена часть скульптуры, выполненной из местного известняка, – голова женского божества в уборе в виде колпака или шлема с подшлемником [Савостина, 2012, 171 сл., рис. 127–128]. Вероятно, статуя представляла Афину. Е.А. Савостина датировала памятник позднеархаическим временем и в качестве ближайших стилистических аналогий привела скульптурные находки из святилищ в Дидимах и Милете [Савостина, 2012, рис. 129, 130].

А.В. Буйских, изучившая находки каменных архитектурных деталей последней четверти VI в. до н.э. из раскопок Ольвии, Борисфена, Пантикапея, а также обломки архитектурной терракоты, пришла к выводу о том, что практически все они находят «абсолютные аналогии» в Милете. Более того, исследовательница полагает, что для культовой архитектуры Северного Причерноморья второй половины VI в. до н.э. характерен стандартный набор декоративных элементов ионического ордера, поступавших из одного или нескольких центров, объединённых единой школой. Это позволило прийти к выводу о наличии «типового проекта» в культовом строительстве этого времени, «эталонным памятником», вероятно, был храм Афины на Калабак-тепе в Милете. А.В. Буйских также пришла к выводу о существовании постоянного импорта новых архитектурных деталей из метрополии, «причём ордерные формы переносились в колонии именно в том виде, в каком они были в метрополии» [Буйских, 1997, с. 23–24]. В высшей степени показательным, что во второй четверти

V в. до н.э. ситуация кардинальным образом изменилась. Сооружения этого времени во всех северопричерноморских центрах объединяет применение традиционного ионийского ордера, однако появляются новые стилистические признаки, наиболее ярко проявившиеся в архаизации ордерных форм. По-видимому, в это время в Северное Причерноморье временно прекращается ввоз новых архитектурных деталей, а также не доходят и новые архитектурные идеи и тенденции, сюда также перестают регулярно приезжать архитекторы из метрополии [Буйских, 1997, с. 24–25].

Для конца VI – начала V вв. до н.э. исследователи отмечают существование местного производства керамики и, возможно, терракотовых статуэток, изготовлявшихся по ионийским образцам в Пантикапее [Марченко, 1967, с. 146 сл.] и Фанагории [Цветева, 1977, с. 21–23]. Позже эта традиция оборвалась, вероятно, в результате поражения ионийских центров Малой Азии и временного их ухода с «мирового рынка».

Однако гораздо более опасной и тревожной была ситуация, сложившаяся в Северном Причерноморье и непосредственно угрожавшая существованию греческих колоний. Исследователи полагают, что эта ситуация была достаточно глобальной и знаменовала собой начало новой эпохи в истории региона. Последние десятилетия VI – начало V вв. до н.э. А.Ю. Алексеев считает рубежом, разделявшим две археологические культуры Скифии – древнюю и новую (классическую). В это время складывается новый вещевой комплекс, формирование которого, по-видимому, связано с проникновением на эти территории с востока новой группы кочевников. Время с первой по третью четверть V в. этот исследователь предлагает считать периодом становления нового скифского общества, для которого были характерны междоусобицы и враждебные отношения с греческими центрами [Алексеев, 1992, с. 7, 118 сл.]. Согласно периодизации, разработанной Ю.А. Виноградовым и К.К. Марченко для истории Северного Причерноморья скифской эпохи, время с начала второй четверти до последней трети V в. характеризуется усилением кочевого скифского элемента, не всегда миролюбиво настроенного по отношению к античным центрам [Виноградов, Марченко, 1991, с. 149–151; Виноградов, 2009б, с. 72–73]¹⁴.

Неясно, было ли это «давление степи» на греческие поселения прямым следствием «вторжения» новой волны кочевников с востока [Виноградов, 2009б, с. 27 сл.], или же результатом нарушения каких-то старых связей и договоренностей между

¹⁴ Было бы небезынтересно соотнести смену власти на Боспоре, «кризис» V в. до н.э. с событиями династической истории Скифии. Однако, как отмечает А.Ю. Алексеев, предпринявший попытку синхронизировать деятельность скифских царей и правителей Боспора, точная хронология правления царей Ариапифа, Скила и Октомосада устанавливается с большим трудом [2003, с. 220–221]. Тем не менее, всё же есть основания предположить, что гибель Ариапифа произошла в интервале 475–460 гг., а Скила – 460–440 гг. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 224, Alekseev, 2005, p. 45, 47]. Возможно, смена правителей кочевой империи (происходившая в условиях кровавой борьбы) выступала в качестве одного из важнейших факторов, нарушавших систему связей и договорённостей, сложившихся между представителями варварской и боспорской элиты. Это могло привести к нарушению хрупкой стабильности, которой удалось достичь на берегах Киммерийского Боспора первым греческим переселенцам.

элитой греческих колоний и верхушкой кочевой орды, вызванной «перedelом сфер влияния» в степной зоне. Это нарушение стабильности в развитии греческих центров региона нашло яркое отражение в данных археологии. Для района Киммерийского Боспора эти свидетельства были собраны и проанализированы достаточно широко и основательно [Толстиков, 1984, с. 30 сл.; Виноградов, 2005а, с. 239 сл.; Завойкин, 2004, с. 93 сл.; Завойкин, 2013, с. 49 сл.]. К числу археологических свидетельств «кризиса первой половины V в. до н.э.», как его называет А.А. Завойкин [2014, с. 49], точнее, первой трети этого столетия, справедливо относят следы пожаров и разрушений, выявленные в Нимфее, Мирмекии, Тиритаке, Порфмии. Примечательно, что дальнейшие исследования лишь уточняют и расширяют наши знания в этой области, так, например, масштабность разрушений подтвердили новейшие исследования Тиритаки, где слои пожаров и разрушений надёжно датированы первой четвертью V в. до н.э. [Зинько, 2014, с. 101, рис. 94]. На первый взгляд, ситуация, сложившаяся в азиатской части Боспора, представляется более стабильной по сравнению с той, которая сложилась на его европейской части, однако этому противоречат данные, которые постепенно накапливаются в результате археологических раскопок. Исследования последнего десятилетия постепенно и последовательно выявляют и здесь отчётливые следы пожаров и разрушений. Так, для Фанагории во второй четверти V в. до н.э. (до 470 г.) фиксируется засыпка подвалов и прекращение существования ряда строительных комплексов [Завойкин, 2013, с. 157–158]. Согласно наблюдениям А.А. Завойкина, разрушения прослеживаются в Фанагории и позже, практически на протяжении всего V в. до н.э. [Завойкин, 2004, с. 90 сл.]. Ранее было обосновано предположение о возведении здесь во второй половине V в. до н.э. мощных оборонительных стен [Кобылина, 1963, с. 136; 1969, с. 98–99; Горлов, 1986, с. 136]. Для Горгиппии установлены следы засыпки двух землянок во второй четверти V в. до н.э.; к концу этого столетия относится гибель в пожаре дома № 12 [Завойкин, 2013, с. 190–191]. В Кепях раскопки выявили достаточно большой дом с подвалами, содержавшими склад хиосских и «протофасосских» амфор [Сокольский, 1973; 1975]. Этот дом, переживший во второй четверти V в. до н.э. первый пожар, был окончательно уничтожен в результате более глобальной катастрофы около середины столетия [Завойкин, 2013, с. 218]. К середине V в. до н.э. население покидает Торик, основанный в конце второй четверти – середины VI в. до н.э. у входа в Геленджикскую бухту [Онайко, 1980, с. 94]. Этому предшествовали пожары и разрушения, следы которых зафиксированы на рубеже VI – V вв. до н.э., причём в большом здании, остатки которого были изучены в Торике, на протяжении последнего строительного периода, по-видимому, были предприняты попытки укрепить стены и возвести подобие башни [Онайко, 1980, с. 64–65, 94].

Пожалуй, лишь Гермонасса демонстрирует в V в. до н.э. уверенное развитие. Раскопки показали, что с начала столетия городское строительство здесь становится более интенсивным, появляются новые наземные постройки. В 1969 г. был обнаружен цоколь мощной стены (до 5 м в длину), сложенный из камней различных пород,

плотно пригнанных друг к другу, относящийся к началу столетия; в это же время на месте землянок архаического времени строятся многокамерные дома [Финогенова, 2010, с. 513–514]. В 2001 г. был открыт дом площадью 56 кв. м с подвалами, выложенными сырцовыми кирпичами [Финогенова, 2010, с. 516]. Таким образом, исследования подтверждают высказанную ранее точку зрения о том, что с конца VI в. и на протяжении V в. до н.э. Гермонасса переживала период расцвета [Зеест, 1974, с. 92; 1977, с. 55].

Отмечена и тенденция к активному фортификационному строительству, характерному для многих греческих поселений V в. до н.э. [Виноградов, 2005а, с. 241]. Напомним, что в предшествующий период наиболее ранние фортификационные сооружения, известные не только для Боспора, но и для всего Северного Причерноморья, были открыты в Пантикапее [Толстиков, 2015б, с. 29], Мирмекии [Виноградов, 2008, с. 45, рис. 2; Вахтина, Виноградов, 2001, с. 43, рис. 1, 1] и Порфмии [Вахтина, 2012, с. 26–28, рис. 4, 1]. Несомненно, эти ранние фортификационные сооружения, расположенные «цепочкой» к северо-востоку от Пантикапея вдоль Керченского пролива, были связаны не только с необходимостью защищать жителей отдельных поселений, но и представляли в целом единую оборонительную систему раннего Боспора, направленную против кочевников, группировки которых, по-видимому, достаточно регулярно пересекали пролив во время военных походов и сезонных миграций [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980]. Не так давно следы архаических фортификационных сооружений были открыты и на азиатской стороне Боспора. Исследования поселения Голубицкая 2 выявили здесь остатки рва шириной более 10 и глубиной 4–5 м, сооружение которого на основании керамических находок можно отнести ко второй трети VI в. до н.э. [Журавлев, Ломтадзе, Шлоцауэр, 2010, с. 559; Schlotzhauer, Zhuravlev, 2014, p. 208–211, fig. 5]. Хотя фортификационные сооружения Голубицкой 2 значительно пострадали из-за современных сельскохозяйственных работ, можно предположить, что наличие здесь столь мощного рва предполагало и наличие земляного вала.

На V в. до н.э. приходится следующий этап возведения укреплений, вызванный усилившейся активностью кочевников. Остатки цоколя архаической оборонительной стены, сооруженной в конце первой – начале второй четверти V в. до н.э. были недавно выявлены при раскопках Парфения [Столяренко, 2013, с. 54–56, рис. 1]. Иногда новые стены возводились непосредственно после пережитых катастроф и потрясений, о которых свидетельствуют слои разрушений. Так, например, в Тиритаке в конце VI в. до н.э. после пожара, уничтожившего застройку на всей исследованной площади центральной и западной частей верхнего города, поверх разрушенных зданий возводится крепостная стена. В конце первой четверти V в. до н.э. здесь происходят новый пожар и новые разрушения, причём стены домов в кварталах, прилегающих к западному участку оборонительной стены «были просто утыканы бронзовыми наколочниками стрел» [Зинько, 2013, с. 61]. К концу первой трети V в. до н.э. относится новая оборонительная стена в Мирмекии [Виноградов, 2005а, с. 241]. В этой связи стоит вспомнить и о Тиритакском вале, достигавшем 25 км в длину. Даже если его

строительство датируется сабаатиновским временем [Масленников, 2003, с. 215], по-видимому, в связи с нарастающей угрозой со стороны кочевников, именно к V в. до н.э. можно отнести его возобновление [Новичихин, 2014а, с. 106]. Вероятно, был возобновлён и более западный и протяженный Аккосов вал [см.: Виноградов, 2005а, с. 243]. В V в. до н.э. оборонительная стена возводится вокруг Фанагории – крупнейшего греческого центра на Азиатском Боспоре [Кобылина, 1969, с. 98–99; Кузнецов, 2010, с. 445]. М.М.Кобылина полагала, что эта стена ограждала «город со стороны степи, от набегов враждебных соседей» [1969, с. 98].

Однако наиболее выразительную картину дестабилизации, отразившуюся в археологических материалах, на наш взгляд, дают исследования Пантикапея – самого крупного и, вероятно, самого значительного греческого поселения Европейского Боспора этого времени. Согласно периодизации, разработанной для этого памятника В.П. Толстиковым, в 510–485 гг. до н.э. на Западном плато акрополя (в районе Первого Кресла горы Митридат) был возведён ряд монументальных сооружений, образовавших «ядро города»; центром этого ансамбля являлся толос [Муратова, Толстиков, 2013, с. 180 сл., рис. 3]. На верхнем плато Митридатовой горы предположительно располагался теменос [о топографии ранней застройки Пантикапея см.: Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003; Коваленко, Толстиков, 2010; Муратова, Толстиков, 2013]. Храм Аполлона был построен между 500 и 485 гг. до н.э. [Коваленко, Толстиков, 2010, с. 30 сл.]. Материалы, полученные в результате раскопок толоса, а также больших многокамерных комплексов (№ 1–4), расположенных на этом участке, отличаются большим количеством дорогих, «элитарных» импортных вещей, большая часть которых представлена обломками привозных художественных сосудов [Tolstikov, 2003, tab. 5; Муратова, Толстиков, 2013, рис. 4]. Бесспорно, дорогостоящей, элитарной вещью являлась керамическая ванна, украшенная рельефным фризом, на котором изображены несущиеся колесницы-биги, управляемые возничими (рис. 2), фрагменты которой были найдены при раскопках многокамерного комплекса 1 на акрополе [Tolstikov, 2003, tab. 6; Коваленко, Толстиков, 2010, с. 39, рис. 6; Толстиков, 2015б, с. 37–41, рис. на с. 41]. По мнению В.П.Толстикова, ванна, рассчитанная на круговой обзор, была установлена в одном из помещений общественного здания и предназначалась для священных омовений жрецов или магистратов [Толстиков, 2015б, с. 40]¹⁵.

В интервале между 490 и 480 гг. до н.э., т.е. в период времени, предшествующий приходу к власти Археанактидов, большинство сооружений центрального района Пантикапея прекратили своё существование, причём выявленные здесь разрушения сопровождалась пожарами [Коваленко, Толстиков, 2010, с. 47 сл.]. Весьма показательным фактом, свидетельствующим о чрезвычайно трудной ситуации, очевидно, сложившейся в городе, является возобновление в начале 80-х гг. V в. до н.э. [Толстиков,

¹⁵ Фрагмент подобной ванны, украшенной рельефными фризами с изображениями колесниц и тритонов, был найден на южном склоне акрополя Клазомен и датируется 540–530 гг. до н.э. [Cevizoglu, 2004, p. 192–193, fig. 15].

2010, с. 465] или на рубеже 90–80 гг. этого столетия [Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 316] строительства заглублённых в землю жилищ типа «землянок», остатки которых были выявлены в центральном районе акрополя. От возведения подобных примитивных построек жители Пантикапея отказались более чем 50 лет назад. Котлованы некоторых новых «землянок» прорезали постройки предшествующего времени, другие же пристраивались к разрушенным зданиям [Коваленко, Толстикова, 2010, с. 46]. Возобновление строительства «землянок» в Пантикапее, возвращение строительной практики, соотносимой с освоением новых территорий Северного Причерноморья первыми поколениями колонистов, невольно порождает аллюзии и параллели, обращённые к тяжёлым военным и послевоенным временам новейшего времени, когда жители сожжённых населённых пунктов вынуждены были временно селиться в сооружённых на скорую руку жилищах. Также весьма выразительны находки специфических жаровен, изготовленных из амфорных горл, обнаруженные в Пантикапее рядом с разрушенными монументальными постройками предшествующего периода. Эти жаровни, очевидно, делавшиеся «из подручного материала» для согревания жилищ, бытовали в течение достаточно узкого промежутка времени – с конца первой по начало второй четверти V в. до н.э. [Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 325].

На фоне разрушений в Пантикапее фиксируются следы интенсивной металлургической деятельности. Внутри толоса, на поверхности развала его кирпично-сырцово́й стены, расчищен мощный пласт сажи и углей с железными и бронзовыми шлаками (выброс отходов металлургического производства), рядом обнаружены остатки пода металлургической печи, а также чешуйка панцирного доспеха, наконечники стрел, конусовидные наконечники кузнечных мехов (т.н. ритоны) [Коваленко, Толстикова, 2010, с. 47]. Очевидно, в городе шло непрерывное производство предметов вооружения.

В 80-х гг. V в. до н.э. на акрополе Пантикапея возводятся новые оборонительные сооружения [Толстикова, 2010, с. 466]; исследователи полагают, что они строились в экстремальной обстановке¹⁶, так как трасса новой линии оборонительных стен была проложена таким образом, чтобы включить возможно большее количество разрушенных к тому времени строений [Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 322–324]. Как полагают авторы раскопок, новые фортификационные сооружения акрополя были предназначены для защиты «землянок», а также культовых построек и сохранившихся или восстанавливающихся домов знати [Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 325].

¹⁶ Сходную картину строительства/ремонта оборонительных стен рисует Фукидид, повествуя об истории Афин после победы над персами: «Фемистокл советовал, чтобы поголовно все афиняне, находившиеся в городе, занялись сооружением стен, не щадя при этом ни частных, ни общественных построек, которые могли бы быть полезны для дела, и не останавливаясь перед их разрушением» (I. 93. 2) [см.: Fields, 2006, p. 17–19].

о высказывавшемся предположении, что симмахия под эгидой Археанактидов – объединение греческих городов в районе Киммерийского Боспора – могла быть также религиозным союзом [Виноградов, 2002, с. 188]. Если принять датировку начала выпуска серебряной монеты с легендой АПОΛ временем не ранее конца второй четверти V в. до н.э. [Шелов, 1956б, с. 28; Завойкин, 2013, с. 55], можно с осторожностью связать этот монетный выпуск с деятельностью Археанактидов.

Гипотеза о симмахии-амфиктении прекрасно «увязывает» и точку зрения о том, что изначальной резиденцией Археанактидов могла быть Гермонасса, что именно она первоначально встала во главе союза, но достаточно скоро основной ставкой стал Пантикапей, активно развивавшийся как городской центр. Представляется вполне очевидным, что при Археанактидах Боспор ещё не стал «территориальной державой». Однако ведущая роль Пантикапея, объединившего (вероятно, изначально) под своей властью ряд «малых городов» Европейского Боспора, для эпохи 480/79 – 430 годов представляется очевидной. Вероятно, и возведение крепостных сооружений «цепочки» городов, расположенных вдоль пролива (Мирмекий, Парфений, Порфмий), также можно рассматривать не только как результат инициативы их жителей, но и как «маркеры», очерчивающие территорию, контролируемую ранним государственным объединением. По-видимому, тенденция к объединению боспорских центров действительно наметилась достаточно рано, а при Археанактидах проявилась более отчётливо [Виноградов, 2002, с. 194]. Бесспорно, симмахия Археанактидов выполнила свою историческую роль, помимо отражения скифской угрозы «она сумела продемонстрировать бесспорные экономические и политические преимущества объединения греческих полисов в районе Боспора Киммерийского» [Виноградов, 2002, с. 195]. Добавим, что деятельность этого объединения пришлось на время значительного ослабления связей с метрополией, также переживавшей трудные времена.

О действиях сакрального характера, при помощи которых жители боспорских городов стремились обеспечить себе поддержку богов (скорее, хтонических, чем олимпийских) в ходе военного противостояния и преодоления военной угрозы, связанной с активностью кочевого мира, могут свидетельствовать такие специфические комплексы, как ритуальные захоронения лошадей, обнаруженные при раскопках греческих городов. Первое, относящееся к первой четверти V в., было обнаружено в Пантикапее у восточного фаса монументальной кладки № 20. Здесь была найдена обезглавленная и расчленённая туша коня, лежавшая на левом боку на слое пожара, ноги животного были согнуты [Муратова, Толстикова, 2013, с. 188 сл., рис. 12]. Авторами раскопок этот комплекс, нетипичный для эллинской культовой практики, интерпретирован как ритуальное заклинание со следами симпатической магии [Муратова, Толстикова, 2013, с. 190]. Впрочем, как нам представляется, не исключены и иные трактовки этого ритуала, например, как благодарственной жертвы после одержанной победы, успешно отражённой атаки неприятеля или достижения перемирия. Совершение этого ритуала на наиболее значимом для раннего поселения участке, где были сосредоточены культовые и общественные постройки, может

свидетельствовать об общественном, чрезвычайно важном характере проведённой церемонии. На принесённой в жертву лошади сохранились элементы декора нагрудного ремня, в состав которого входили три бронзовые бляхи, выполненные в «зверином стиле» [Муратова, Толстиков, 2013, рис. 12, 1-3].

Остатки другого ритуального захоронения были обнаружены во дворе дома со святилищем у западной крепостной стены Тиритаки. Здесь в яме были найдены останки четырёх низкорослых степных лошадей, а также три разбитые аттические чаши первой трети V в. до н.э. [Зинько, 2013, с. 61]. Добавим, что находки бронзовых деталей и украшений упряжи варварских типов появляются в это время и в слоях греческих поселений [см., например: Кобылина, 1956, с. 22, рис. 5, 2; Виноградова, 2005а, с. 239, рис. 18, 10, 11].

Успешное преодоление кризиса было заслугой сложившегося объединения боспорских центров под предводительством аристократической элиты, несомненно, приложившей определённые усилия и в дипломатической сфере, о которых мы можем судить лишь гипотетически. Отметим, что с начала V в. до н.э. в боспорских центрах начинается изготовление вещей, украшенных в зверином стиле¹⁷, среди которых – золотые обкладки парадных мечей, найденных в «царских» варварских курганах степной и лесостепной зон (Томаковском, Золотом, у хут. Шумейко, с. Александровка) [Онайко, 1966; Мурзин, 1984, с. 28-29, рис. 15]. Самые ранние образцы парадного вооружения из Томаковской могилы и хут. Шумейко датируются первой четвертью столетия [Алексеев, 1992, с. 114; 2003, с. 201]. Обычно такие изделия рассматривают как дипломатические дары, предназначавшиеся для аристократической верхушки варварского общества и закрепляющие достигнутые договоренности [Scheglov, Katz, 1991]. Стоит вспомнить в этом контексте и золотую прямоугольную пластину в «зверином стиле» (возможно, фриз-обкладку колчана), найденную в комплексе впускного погребения 6 кургана № 1 у с. Ильичёво в Восточном Крыму [Лесков, 1968, рис. 6]. На этой пластине изображено копытное животное, сочетающее признаки лося и оленя, показанного в противоборстве с тремя животными – львом, орлом и змеей. А.М. Лесков, исследовавший этот памятник, справедливо указал на близость отдельных мотивов и стилистических приёмов в декоре этой бляхи вещам из скифских погребений лесостепи (Журовские курганы) [Лесков, 1968, с. 164-165]. Погребение у с. Ильичёво датируется в рамках первой половины V в. до н.э., комплекс этот является одним из трёх известных нам «царских» погребений Крыма V в. (к ним относятся также Ак-Мечетский и Золотой курганы). Стилистически и хронологически пластине из кургана у с. Ильичёво близка и знаме-

¹⁷ Вероятно, производство небольших бронзовых изделий, которые могли предназначаться для сбыта варварам, могло начаться немного раньше. При раскопках Пантикапея был обнаружен фрагмент литейной формы конца VI – начала V вв. до н.э., при помощи которой изготавливались бляшки, украшенные композицией из двух кошачьих хищников в геральдической позе [Марченко, 1962, с. 51, рис. 2, 4; Treister, 1998, p. 189, fig. 1, 2].

нитая бляха в виде оленя из раннего комплекса Куль-Обы, даты этих вещей определяются в пределах первой половины V в. до н.э. [Королькова, Алексеев, 1994, с. 106]. Для стиля этих изделий характерны «тяжеловесность», насыщенность образами и деталями (иногда в ущерб художественному восприятию), сочетание чрезвычайно разнородных элементов, находящих аналогии не только в греческом искусстве, но и в лесостепи, и в Прикубанье, и в Подонье [Вахтина, 2005, с. 346–347]. Эти золотые изделия, предназначенные для украшения «парадного» вооружения представителей военной аристократии туземного общества, также могли быть дипломатическими дарами. Естественно, обмен подобными дарами должен был проходить в торжественной обстановке, во главе дипломатических миссий должны были находиться представители боспорской элиты. Очевидно, стабилизация обстановки на Боспоре времен Археанактидов была достигнута, как это часто бывает во время военных конфликтов как древности, так и современности, не только военными акциями, но и успешными переговорами и дипломатическими усилиями.

Однако в целом весь V в. до н.э. оставался беспокойной эпохой, в течение которой стабильное течение жизни отдельных греческих центров, вероятно, неоднократно нарушалось. Так, например, для городища Тиритака практически неизвестны выразительные комплексы, относящиеся ко второй половине этого столетия. Эта «лакуна» или недостаточность ярких, выразительных, надёжно датированных комплексов, которые укладывались бы в рамки периода 480 – 438 гг. до н.э., в той или иной степени характерна для всех греческих центров Боспора.

На этом фоне из греческих центров Восточного Крыма лишь для Нимфея в V в. до н.э. можно с уверенностью говорить о периоде стабильности, а, возможно, и о развитии этого поселения как процветающего. Данные археологии свидетельствуют лишь о каких-то негативных явлениях в начале периода: в городе прослеживаются локальные пожары, так, например, в конце VI в. до н.э. гибнет святилище Деметры, к рубежу первой–второй четвертей V в. до н.э. происходит запустение нимфейской хоры [Соколова, 2010, с. 482]. Элементы, отражающие нарушение стабильности жизни Нимфея этого времени, отражены и в материалах его некрополя. Здесь, как уже говорилось, было выявлено грунтовое погребение А44, датированное последней четвертью – концом VI в. до н.э. [Грач, 1999, с. 28, 45]. Ещё раз отметим, что каменный ящик, вырубленный в скале и перекрытый досками, содержал мужской костяк с трехгранным наконечником стрелы, найденным на ребре у левой лопатки. По-видимому, нанесённая этой стрелой рана и послужила причиной смерти. Однако во второй четверти столетия положение в городе, по-видимому, меняется к лучшему: возрождаются поселения хоры, в городе ведётся интенсивное строительство жилых домов, на акрополе перестраиваются «святилище кабиров» и помещения к северу от него, а также комплексы других святилищ. В конце V – начале IV вв. до н.э. проводятся грандиозные работы на южном склоне нимфейского плато [Соколова, 2010, с. 482–483].

Материалы других боспорских поселений V в. до н.э. не дают выразительных данных, опираясь на которые, можно было бы высказывать предположения о

Конечно, самого пристального внимания заслуживают объекты, открытые во время раскопок Пантикапея, который в V в. до н.э. был главным греческим поселением Европейского Боспора и либо изначально являлся ставкой Археанактидов, либо стал ею, а значит здесь проживала значительная часть представителей боспорской элиты, всегда тяготеющей к «столичным» центрам. Здесь ещё для предшествующего периода (второй половины VI – начала V вв. до н.э.) было отмечено существование имущественного различия «между владельцами больших домов с каменными подвалами и небольших домов из камня и сырца, заглублённых в грунт» [Сокольский, 1961, с. 39]. Во второй четверти V в. до н.э. на северном крае верхнего плато была возведена прямоугольная в плане, ориентированная по сторонам света монументальная постройка, мощные фундаменты которой были впущены в культурный слой первой четверти столетия. Ширина кладок её восточной и северной стен достигала 2,45 м [Муратова, Толстиков, 2013, с. 187–188, рис. 11]. Перед восточным фасадом (стена № 20) этой постройки и был обнаружен ритуальный комплекс, содержащий захоронение обезглавленной туши коня, речь о котором шла выше. Неясно, было ли это здание жилым, культовым или общественным сооружением. К этому же времени принадлежит наземная постройка на раскопе НВМ, от которой сохранились лишь два фрагмента кладки каменного цоколя, образующие её юго-западный угол. Раскопки фиксируют «исключительно высокую концентрацию сменявших друг друга построек VI – первой половины V вв. до н.э. на сравнительно небольшом участке территории у северной границы верхнего плато», что, несомненно, свидетельствует о высокой строительной активности [Муратова, Толстиков, 2013, с. 190]. Исследователи полагают, что в 70–60-е гг. V в. обстановка в городе становится более стабильной, а около середины столетия Пантикапей вступает в стадию нового подъёма [Толстиков, 2010, с. 466; Коваленко, Толстиков, 2010, с. 47]. В качестве примера некоторой стабилизации обстановки в Пантикапее в это время, отразившейся и в домостроительстве, могут служить данные, полученные в результате раскопок подвала одного из домов, обнаруженного в центральной части западного плато вершины Первого Кресла горы Митридат [Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2002, с. 261 сл.]. Судя по материалам его заполнения, комплекс был построен в 70–60 гг. и после перестройки, по-видимому, осуществлённой его первоначальными владельцами, продолжал существовать и во второй половине V в. до н.э. Разрушение дома совпадает с финальным этапом правления Археанактидов, причём восточная часть постройки была разрушена фундаментом одного из помещений центрального здания «дворца Спартокидов». По справедливому замечанию В.П. Толстикова, это является ещё одним свидетельством в пользу стабилизации и прогрессивного развития застройки центрального района города, наступивших в это время [Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2002, с. 268].

С 70–60 годами V в. до н.э. можно синхронизировать и возобновление работы монетного двора, ознаменовавшееся выпуском серебра VI типа с восьмилучевой звездой на реверсе [Коваленко, Толстиков, 2010, с. 48]. К этому же периоду, по-видимому, относятся ремонт и восстановление разрушенного храма Аполлона [Коваленко,

«прекрасных нравов прошлого» в значительной мере отражали идеалы и образ жизни афинской аристократии.

Что же касается культуры правящего аристократического слоя, который начал формироваться на Боспоре в эпоху Археанактидов, то её поможет лучше охарактеризовать обзор погребальных памятников этого времени. Хорошо известно, что комплексы погребений обычно служат наиболее надёжными индикаторами социального положения членов любого сообщества.

1.6. Погребения Боспора эпохи Археанактидов

Даже самое поверхностное знакомство с погребальными комплексами Боспора раннеклассического времени показывает, что по обряду и по составу погребального инвентаря они, на первый взгляд, почти не отличаются от захоронений предыдущей, архаической эпохи, составляя с ними как бы «единый пласт». Еще М.И. Ростовцев подразделял погребальные памятники Боспора на две большие группы – погребения архаического времени и погребения IV в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 183 сл.], не разделяя захоронения эпохи архаики и ранней классики. Этому подходу оставались верны и более поздние исследователи. Говоря о грунтовых греческих некрополях Северного Причерноморья VI–V вв. до н.э., заметим, что практически все они расположены непосредственно за городскими стенами, как бы «прижимаясь» к черте города. Эта особенность компактного расположения некрополей в непосредственной близости от городских стен характерна для многих ионийских поселений Малой Азии (например, Смирны) на начальном этапе существования на новой территории. Вероятно, она могла быть обусловлена не только наличием потенциальной опасности со стороны hinterland'a, порождавшей у греческих поселенцев потребность чувствовать близость и доступность городских стен. Возможно, такая компактность способствовала сохранению чувства единства, общности с усопшими в сознании жителей греческих городов, что, в свою очередь, было немаловажным в процессе обживания и осмысления территории новых колоний, включения этих земель в античную ойкумену. Особенность эта характерна и для Пантикапея, где погребения раннего времени (до IV в. до н.э.) расположены «почти исключительно на склонах Митридатова холма и его продолжении» [Ростовцев, 1925, с. 187; Цветаева, 1951, с. 64, рис. 1]. Г.А. Цветаева отмечала, что пантикапейский некрополь в эту эпоху «по своим размерам и особенностям погребений носит скромный характер»; замечено также, что некрополь VI–V вв. до н.э., располагавшийся на участках северного склона горы Митридат, «выглядит более богатым, чем участок южного склона» и отличается большим разнообразием типов погребальных сооружений, большим количеством погребённых с оружием, а также чаще встречающимся здесь обрядом кремации [Цветаева, 1951, с. 68]. Погребения V в. до н.э. при этом совершались на тех же участках, что и захоронения предшествующего периода.

выми кирпичами. «Приблизительно на срединной высоте насыпи» была выявлена «жжёная площадка», где были найдены обломки четырёх сосудов, вероятно, разбитых во время тризны. А.А. Бобринский описал найденные здесь фрагменты керамики следующим образом [ОАК за 1891 г., с. 28 сл.]:

1) «Раскрошившаяся амфора, украшенная полосой красного цвета» (возможно, представлявшая ионийскую столовую амфору с «полосатой» росписью).

2) «Разбитая ойнохоя с исполненным чёрною краскою на бледно-красном фоне архаическим изображением бородатого человека, пригибающего к ногам своим быка, т.е. со сценою, представляющей, вероятно, усмирение критского быка Гераклом». Руководствуясь описанием, а также обратившись к известным аналогиям, можно представить себе этот сосуд и высказать предположение о его возможной датировке. Найденная ойнохоя обнаруживает сходство с чернофигурной аттической ойнохоей первой четверти V в. до н.э., украшенной таким же сюжетом – сценой борьбы Геракла с критским быком, которая была найдена в одном из погребений некрополя Мессембрии [Reho, 2005, p. 34; Kiyashkina, Vozhkova, Marvakov, 2012, cat. no. 1].

3) «Разбитая патера, покрытая прекрасной чёрною поливою».

4) «Небольшой чёрный сосуд о двух ручках с такою же поливою».

Два последних, по-видимому, представляли собой аттические чернолаковые сосуды. Ниже этой «жжёной площадки» на «уровне грунта» было обнаружено «жжёное пространство гораздо больших размеров (так называемый «точёк»), где, вероятно, происходило сожжение покойника и различных принадлежавших ему предметов». Прах погребённого был помещён в урну, стоящую в центре «точка» и покрытую нижней половиной амфоры. В качестве погребальной урны была использована краснофигурная гидрия, украшенная изображением Гермеса-Психопомпа в крылатых сандалиях и с кадуцеем в руке (рис. 3) [ОАК за 1891 г., рис. 13-14], которое, как отметил А.А. Бобринский, «вполне согласно с обязанностью Гермеса сопровождать души умерших в загробную жизнь» [ОАК за 1891 г., с. 29]. Сосуд этот, несомненно, принадлежал к шедеврам греческой вазовой живописи, по стилю росписи его можно отнести к 500–450 гг. до н.э. В качестве аналогии украшающего его сюжета можно привести изображение на краснофигурной амфоре (neck-amphora), хранящейся в Национальном музее в Копенгагене, на одной из сторон которой представлен Гермес в крылатом шлеме с кадуцеем в левой руке, а на другой – бегущая женщина [ARV², no. 553.36; Beazley Archive, no. 206311]. Остатки предметов, найденные на «жжёном точке», также представляют огромный интерес. В их числе – обломки большого железного меча, железных стригилей, а также «пережжённые кусочки каких-то костяных изделий». Особое любопытство вызывает упоминание о двух бронзовых полых внутри предметах, похожих на рукоятки, «оконечности коих заканчиваются наподобие копыт» – остаётся только гадать о назначении этих вещей. Конечно, нельзя исключить полностью и возможность того, что они представляли собой остатки бронзовых конских удиц, находки которых в это время фиксируются в могилах, принадлежавших представителям «новой волны» номадов, в том числе расположенных

в непосредственной близости от боспорских городов [см., например: Силантьева, 1959, рис. 47, 1-2].

Несомненно, погребение в центральной части небольшого кургана, открытое А.А. Бобринским, содержало захоронение представителя элиты Пантикапея, принадлежавшего к знатному роду. На наш взгляд, это единственный известный в настоящее время погребальный комплекс, который с большой степенью вероятности можно рассматривать как захоронение представителя правящего рода, возможно, принадлежавшего к потомкам Археанакта. Прах его после сожжения был помещён в изысканную аттическую гидрию, украшенную сюжетом, в понимании греков связанным с перенесением души усопшего в загробный мир. Обряд погребения сопровождался тризной, во время которой был разбит ещё один художественный сосуд (чернофигурная ойнохоя) сюжет росписи которой, иллюстрирующий седьмой подвиг Геракла, также представляется весьма выразительным в погребальном контексте. Культ этого героя был широко распространён в греческих колониях Северного Причерноморья, куда, возможно, был принесён первыми колонистами [Шауб, 2007а, с. 212]. Вазы с изображениями Геракла встречаются в «царских» и «жреческих» погребениях Боспора IV в. до н.э., что, как представляется, в сознании древних греков было связано с идеями бессмертия, его достижения смертным героем [Braund, 2009, p. 114 сл.]. Вероятно, с этим же кругом представлений было соотнесено и изображение на чернофигурной ойнохое из тризны пантикапейского кургана 1891 г. Найденный в нём комплекс вещей характеризует погребённого как атлета и воина (а возможно, и всадника), т.е. носителя аристократической традиции, присущей греческому обществу раннеклассического времени. Примечательно, что в насыпи этого же кургана совершались последующие захоронения, возможно, представителей того же рода. На участке некрополя, где был раскопан курган, были отмечены и другие подобные насыпи, привлекавшие к себе внимание грабителей и носившие следы многочисленных перекопов, что, возможно, свидетельствовало об относительном «богатстве» расположенных здесь могил.

А.А. Бобринский отметил вблизи «вышеописанного кургана» другие насыпи, потревоженные грабителями, а также наличие «жжёных пространств» в грабительских минах, однако он был вынужден «отложить исследование этого пепелища до будущего года», ограничившись в 1891 г. лишь разведочными исследованиями. Вернуться к работам на этом участке удалось лишь в 1897 г., когда К.Е. Думберг провёл здесь раскопки небольшого холма, отметив вслед за А.А. Бобринским существование в этом месте невысоких насыпей [ОАК за 1897 г., с. 35 сл.]. После снятия насыпи на глубине 8,5 м было выявлено три захоронения, относящиеся, по предположению исследователя, к концу V в. до н.э. Первое было совершено в яме, впущенной в материк на глубину 0,35 м и перекрытой досками. Оно содержало костяк, вытянутый на спине головой на юго-восток, у левой его руки находился амфориск финикийского стекла, у ног было обнаружено дно «простой глиняной амфоры». Вторая гробница, находящаяся под насыпью, была сложена из крупных плит известняка, впущенных в материк, и

перекрыта каменной плитой. У левого плеча костяка, лежавшего головой на восток, стоял лекиф, «украшенный чёрными пальметками», у левого – чернолаковый кувшинчик и алабастр. Судя по описанию, в состав инвентаря входил аттический чернофигурный лекиф, тулово которого украшал фриз в виде пальметок. Такие сосуды известны по многочисленным находкам в слоях и комплексах античных поселений Северного Причерноморья, они обычно датируются в пределах V в. до н.э. [см.: Кашаев, 2009а, рис. 1, 1-5]. Третья из открытых К.Е. Думбергом гробниц была сооружена в нижней части насыпи, «непосредственно на материке». С двух сторон она была обложена плитами; костяк лежал головой на северо-восток.

Ещё одна попытка провести исследования на этом участке некрополя Пантикапея была предпринята В.В. Шкорпилом в 1905 г. [Шкорпил, 1909, с. 57, могила № 18]. Недалеко от места раскопок А.А. Бобринского «на той же глубине» была найдена краснофигурная амфора, стоявшая в центре «жжёного точка» и содержавшая пережжённые кости. Она была закрыта перевернутым краснолаковым одноручным сосудом и поверх него – нижней частью «простой остродонной амфоры, опрокинутой низом вверх».

Хотя погребения, открытые на этом участке К.Е. Думбергом и В.В. Шкорпилом, и представляются достаточно интересными, всё же их обряд и погребальный инвентарь, на наш взгляд, значительно уступает тем, которые были выявлены для погребения 1891 г. Поэтому трудно причислить захороненных в этих гробницах к представителям высших слоёв пантикапейского общества. Эти захоронения вполне сопоставимы с другими погребениями некрополя Пантикапея, совершёнными по обряду кремации, которые мы можем предположительно отнести к интересующей нас эпохе. Все они отличались гораздо большей простотой, как, например, погребение № 9, открытое «возле западного угла старого православного кладбища» [Шкорпил, 1909, с. 12]. Здесь на глубине 2,10 м был обнаружен большой «жжёный точок», в середине которого находилась круглая в плане, обложенная мелкими камнями яма диаметром 0,50 м и глубиной 0,44 м, в которой стоял большой двуручный сосуд (высота его – 0,31 м), «наполненный костями» и накрытый сверху «отпиленным дном большой остродонной амфоры».

Прах ещё одного возможного представителя пантикапейской элиты могла содержать великолепная амфора-стамнос середины V в. до н.э., фрагменты которой были случайно обнаружены в 1968 г. во время проведения работ в Керчи на ул. Свердлова [Лосева, 1984, с. 125 сл., рис. 1-4]. Сосуд происходил из разрушенного погребения. Высота его составляет более 35 см, диаметр устья – около 20 см, сверху он был накрыт крышкой чернофигурной пиксиды с изображением «лучей», более ранней по времени. Сюжет росписи стамноса также весьма примечателен. На одной его стороне изображена пляшущая женщина, справа от неё – флейтистка, слева – ещё одна женщина, собирающаяся принять участие в танце, с накинутой поверх одеяния шкурой пятнистого леопарда, на другой представлены три задрапированные женские фигуры, одна из них держит в руке тирс, другая, в центре – факел. Обе сцены

связаны с культом Диониса, который в представлениях греков был хтоническим божеством [Виноградов, Шауб, 2005; Шауб, 2007а, с. 339 сл.]. Таким образом, на наш взгляд, сюжет росписи этого сосуда, служившего погребальной урной, также можно соотнести с идеей перемещения души усопшего в загробный мир.

К этой же группе погребений по обряду сожжения, возможно, принадлежавших представителям элиты, можно отнести два погребения, открытых П. Дюбрюксом на склоне горы Митридат. Первое из них являлось основным погребением кургана № 1, раскопанного в 1817 г. [Бич, 1959; Дюбрюкс, 2010, с. 124-125; иллюстрации, рис. 153]. Оно находилось под насыпью кургана на скальной поверхности. Здесь были обнаружены следы кострища и краснофигурная гидрия, использованная как погребальная урна, прикрытая сверху половиной разбитого сосуда. На гидрии был представлен бородатый мужчина с посохом в руке (Гермес?), преследующий женщину; справа и слева изображены мужская и женская фигуры [Дюбрюкс, 2010, рис. 183–185]. Вокруг урны была сооружена конструкция из 13 перевёрнутых вверх дном остродонных амфор (рис. 4) [Дюбрюкс, 2010, рис. 182]. По определению Ю.А. Виноградова, на одном из дошедших до нас рисунков П. Дюбрюкса изображена амфора, происходящая из этого интереснейшего комплекса [Дюбрюкс, 2010, рис. 179], которую можно отнести к хиосским амфорам позднепухлогорлого варианта и датировать третьей четвертью V в. до н.э. [Дюбрюкс, 2010, с. 139, прим. 21], что даёт основания и для вероятной датировки погребения. Примечательно, что похожие погребальные комплексы, где также зафиксированы конструкции, сложенные из большого количества амфор, были открыты в Ольвии. Первый из них был исследован Б.В. Фармаковским в 1911 г. [Фармаковский, 1914б, с. 15, рис. 14; Козуб, 1974, с. 31-32, рис. 4]. Здесь, в могиле 78, им была обнаружена чернолаковая погребальная урна с прахом, поставленная на остатки костра. Вокруг неё были уложены кругом 17 хиосских амфор, судя по рисунку, также относящихся к типу позднепухлогорлых, которые можно датировать тем же временем. Второй, т.н. «большой кромлех», был исследован в 1926 г. [Козуб, 1974, с. 32 сл., рис. 5].

Во втором погребении пантикапейского некрополя, обнаруженном П. Дюбрюксом в одном из курганов, погребальной урной, по-видимому, служила краснофигурная гидрия V в. до н.э. (рис. 5), украшенная сценой в гинекее [Дюбрюкс, 2010, иллюстрации, рис. 186].

Земляные гробницы. В некрополях Пантикапея и других боспорских городов, как уже неоднократно говорилось, умерших чаще хоронили, помещая их тела в простые грунтовые ямы. Инвентарь этих «земляных гробниц» достаточно скромнен. Обычно в грунтовые могилы помещали один или несколько сосудов [см., например: Шкорпил, 1909, с. 29-30]. Иногда в захоронениях можно проследить обычай ритуальной порчи вещей [Шкорпил, 1909, с. 28, 30-31, могилы 97, 102, 104, 108].

Наиболее «богатые» грунтовые захоронения содержали в составе инвентаря несколько сосудов. Так, например, в перекрытой досками могиле № 20, открытой в 1912 г. (длина её 2,03 м, ширина 0,68 м, глубина 0,54 м), был найден костяк, лежав-

ший головою на северо-восток, в ногах у которого находились обломки двух сосудов – лекифа и алабастра [Шкорпил, 1916а, с. 14]. Роспись на лекифе, представляющая «двух женщин среди предметов домашнего обихода», была нанесена по белой облицовке, что позволяет с большой вероятностью относить этот сосуд к V в. до н.э. Декор алабастра, судя по описанию, близок тому, который происходит из сырцово-глиняной гробницы № 103, речь о ней пойдёт ниже. В «земляной гробнице» 37, покрытой досками, раскопанной в 1902 г. на южном склоне горы Митридат, был найден целый набор туалетных сосудов: 4 чернофигурных лекифа (один из них – белофонный), лежавшие вдоль правой руки, и алабастр у кисти левой руки погребённого [Шкорпил, 1904, с. 80].

К эпохе Археанактидов относится серия детских погребений некрополя Пантикапея, содержавших достаточно многочисленный, интересный и разнообразный инвентарь. Одним из самых ранних является погребение № 103, открытое в 1912 году и содержащее детское захоронение, совершённое в яме, покрытой досками и неотёсанными камнями, его размеры 0,84 м в длину, 0,36 в ширину и 0,22 м в глубину [Шкорпил, 1916а, с. 30-31]. В ногах костяка, лежавшего головою на восток, было найдено 10 сосудов, в их числе – «простой одноручный глиняный сосудик с концентрическими кругами на дне», одноручный сосуд, 2 гуттуса, две чернофигурных ойнохои с дионисийскими сценами, «простой глиняный сосудик с одной ручкой», «алабастр, украшенный чёрными полосками, точками и перекрещивающимися чёрточками» [Шкорпил, 1916а, рис. 19], чернофигурный скифос, миниатюрная коринфская котила и чернолаковая ольпа. Чернофигурная ойнохоя, близкая по стилю привезённой В.В. Шкорпилом [1916, рис. 18], была найдена в некрополе Мессембрии и датирована первой четвертью V в. до н.э. [Kiyashkina, Bozkova, Marvakov, 2012, no. 1]. Алабастр, чрезвычайно близкий, практически идентичный найденному в могиле № 103, происходит из собрания Романченко. К.С. Горбунова атрибутировала его как произведение мастера Эмпория и датировала временем около 470 г. до н.э. [Горбунова, 1983, с. 188, кат. № 162]. Ещё два таких алабастра хранятся в Англии: один, из Ашмолинского музея, наиболее близкий керченскому, датируется второй – третьей четвертями V в. до н.э., другой, из Британского музея, относится к первой половине столетия [Kurtz, 1975, p. 77, pl. 72, 5, 6]. Эти аналогии, вероятно, дают нам основание отнести могилу № 103 с «богатым» набором сосудов ко второй–третьей четвертям V в. до н.э.

Интересным по набору инвентаря является и детское погребение № 36, открытое в 1907 г., совершённое в яме размерами 0,72 м в длину, 0,93 м в ширину и 0,45 м в глубину [Шкорпил, 1910, с. 20-21]. В могильной яме возле правой руки костяка, лежавшего головою на восток, были найдены чернолаковый лекиф с красной горизонтальной полоской по тулову²⁰, терракотовая протома в виде головы женского божества [Шкорпил, 1910, рис. 5], терракотовая кукла с подвесными руками (ног в

²⁰ Л.Ф. Силантьева датировала этот лекиф второй четвертью V в. до н.э. [1959, с. 37].

могиле обнаружено не было) [Шкорпил, 1910, рис. 6]. В ногах находились глиняная чашечка с носиком-сливом, украшенная изображением обезьянки [Шкорпил, 1910, рис. 7], чернолаковый килик на низкой подставке, фрагменты бронзовых предметов. У ног были найдены фрагменты двух амфор, очевидно, стоявшие в углах могилы. Детское погребение, содержавшее подобную чашечку, также украшенную фигуркой обезьяны, было обнаружено на некрополе Нимфея в детском погребении № 28/1876, содержавшем разнообразный инвентарь, в том числе протому женского божества, терракотовые фигурки, игрушку с подвесными конечностями [Силантьева, 1959, с. 36 сл., рис. 15].

К концу рассматриваемого периода можно отнести детское погребение № 32/1907, совершённое в яме, покрытой досками, длиной 0,94 м, шириной 0,40 м и глубиной 0,45 м. [Шкорпил, 1910, с. 19-20] «На истлевших досках, которыми был покрыт ящик гробницы», были найдены краснофигурный лекиф с изображением женской головки и обломки чернолаковой чаши (bolsal'a) со штампованным орнаментом на внутренней поверхности дна и граффито в виде буквы А на внешней [Шкорпил, 1910, с. 20, рис. 4]. У правой руки костяка, обращённого головой на восток, был найден ещё один краснофигурный лекиф больших размеров, украшенный изображением женской головки влево. По форме и орнаменту чернолаковую чашу из этого погребения, находящую аналогию в материалах Афинской агоры [Sparkles, Talcott, 1966, no. 532, pl. 24], можно датировать началом последней трети V в. до н.э.

Своеобразие погребального обряда, наличие разнообразного погребального инвентаря, характерные для некоторых детских захоронений V в. до н.э., позволили Н.Л. Грач высказать предположение о существовании на Боспоре особого обряда погребения детей, сложившегося в это время [Грач, 1999, с. 91, прим.].

Гробницы из сырцового кирпича. Несмотря на трудности, связанные с выделением погребений, относящихся к эпохе Археанактидов, пожалуй, можно с уверенностью говорить о распространении в V в. до н.э. традиции сооружения т.н. «сырцовых гробниц» [Ростовцев, 1925, с. 186; Сударев, 2005, с. 18], содержавших относительно «богатый» набор инвентаря. В Аттике гробницы из сырцовых кирпичей известны с VI в. до н.э., исследователи обычно полагают, что техника их возведения находит соответствие в городской архитектуре эпохи архаики [Kurtz, Boardman, 1971, p. 82-83].

Таких гробниц в Пантикапее обнаружено немного [Цветаева, 1951, с. 66], обычно они представляли собой ямы со стенками, обложенными сырцовыми кирпичами, часто перекрытые досками или плитами известняка. Одна из них, № 43, содержавшая детское захоронение, была исследована в 1907 г. на 1-й Подгорной улице. Гробница, длина которой достигала 0,69 м, ширина – 0,37 м и глубина – 0,30 м, была перекрыта досками и содержала костяк, обращённый головою на восток. В правую руку погребённого был положен краснофигурный лекиф с росписью в виде пальметки, справа от головы найдены обломки глиняной ойнохои [Шкорпил, 1910, с. 23].

Ещё одна сырцовая гробница (№ 6), перекрытая плитами, была открыта В.В. Шкор-

пилом в 1912 г. Длина могилы составляла 2,07 м, ширина – 0,79 м и глубина – 0,45 м. У левого плеча костяка, лежавшего головой на северо-восток, были найдены обломки бронзовой иглы, у правого и левого плеча – обломки двух лекифов, в ногах, поперёк гробницы, лежала «большая простая амфора» с дипинти в виде знака + и НР. Судя по описанию, один из лекифов был белофонным, на нём были изображены Амфитрита на гиппокампе и две nereиды [Шкорпил, 1916а, с. 9-10]. В качестве аналогии амфоре, найденной в гробнице, указан сосуд, происходящий из кургана 401, раскопанного А.А. Бобринским в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. (урочище Криворуково) [Бобринский, 1905, с. 15, рис. 34]. Здесь, в скифском погребении первой половины V в. до н.э. [Ильинская, 1975, с. 22; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 244-245], содержащем вещи в «зверином стиле», была обнаружена хиосская амфора с наметившимся перехватом горла у места крепления ручек. Этот тип, по С.Ю. Монахову, датируется в пределах второй четверти V в. до н.э., вероятнее всего, 60–50-ми годами этого столетия [Монахов, 1999, с. 108]. Учитывая наличие дипинти на горле керченской амфоры, можно допустить, что она могла принадлежать также и к типу III-B (развитый вариант пухлогорлого типа), в таком случае её дата лежит в пределах 80–70-х гг. V в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 17]. Вероятным датам амфоры не противоречит присутствие в составе комплекса аттического (?) белофонного лекифа – атрибута, характерного для греческих погребений на протяжении V в. до н.э. [Kurtz, 1975, p. 17-18; Oakley, 2004, p. 5; Georgiou, 2014, p. 7 сл.].

В эпоху Археанактидов, как и в предшествующий период, известен и даже обретает устойчивый характер *обычай помещать в могилы амфоры* в качестве погребального инвентаря. Так, например, земляная гробница № 10, перекрытая «досками и мелким камнем», открытая в 1912 г., содержала костяк, лежавший головой на восток, и остродонную амфору «без надписей и украшений», стоявшую в правом углу гробницы. На левой руке костяка был найден разрушенный ржавчиной железный перстень, по всей гробнице были разбросаны обломки «двух чернолаковых алабастров» [Шкорпил, 1916а, с. 11]. В могиле 23, открытой в том же году, амфора стояла в ногах костяка, в левом углу могильной ямы [Шкорпил, 1916а, с. 14-15]. В 1905 г. на участке, где были раскрыты захоронения V в. до н.э., в погребении 106 в ногах костяка стояла «большая простая амфора» [Шкорпил, 1909, с. 31].

Обычай помещать амфоры в погребения не характерен для греческого погребального обряда, зато эти сосуды, широко распространявшиеся со второй половины VI в. до н.э. на территории степных и лесостепных районов Скифии, достаточно регулярно встречаются в комплексах захоронений варварской аристократии. Греческие амфоры, вкопанные в дно погребального сооружения или же в дневную поверхность рядом с погребённым, считают устойчивой особенностью, характерной для скифских захоронений V в. до н.э. [Ольховский, 1991, с. 79].

Обычай использовать амфоры в погребальном обряде прослеживается и в других боспорских некрополях. В 1938 г. при раскопках Мирмекия, под камнями, образующими основание башни IV в. до н.э. (у северо-западного её угла), была обнаружена

вырытая в материке могильная яма, перекрытая двумя массивными известняковыми плитами (её длина 1,90 м, ширина 0,55, глубина 0,50 м). В могиле был найден мужской костяк, лежавший на спине и обращённый головою на юго-восток [Гайдукевич, 1952, с. 142, рис. 14]. Немного ниже кисти его левой руки был обнаружен разбитый чернофигурный лекиф с пальметками [Гайдукевич, 1952, рис. 15], в ногах погребённого стояла протофасосская амфора [Гайдукевич, 1952, рис. 16]. В.Ф. Гайдукевич датировал это погребение первыми десятилетиями V в. до н.э.; С.Ю. Монахов на основании уточнения даты лекифа и соотнесения его с датировкой амфоры отнёс комплекс ко второй четверти столетия [Монахов, 1999, с. 103-104, табл. 31].

Ещё больший интерес представляет второе захоронение, открытое в том же году и также, вероятно, принадлежавшее некрополю Мирмекия, случайно обнаруженное во время строительных работ на расстоянии около 800 м к северо-востоку от городища, южнее шоссе, ведущей в сторону Еникале [Гайдукевич, 1952, с. 214 сл.]. Здесь на глубине 1,10 м от уровня современной поверхности была раскрыта гробница, сложенная из плит известняка. Судя по описанию, она представляла собой «каменный ящик» и была ориентирована по линии восток-запад, её перекрывали 3 каменные плиты. На полу были найдены остатки двух костяков, взрослого мужчины и подростка, лежавших в вытянутом положении головой на восток. В западной части могилы (у ног погребённых) была обнаружена фасосская амфора [Гайдукевич, 1952, с. 215, рис. 141], а также фрагменты другой амфоры неизвестного центра с клеймом в виде буквы А на горле. В гробнице также были найдены фрагментированный чернофигурный лекиф [Гайдукевич, 1952, рис. 139], железные меч скифского типа (длиной 0,565 м) и нож [Гайдукевич, 1952, рис. 140]. Меч лежал параллельно остову погребённого у тазовых костей, нож – в изголовье, здесь же была обнаружена бронзовая игла. В.Ф. Гайдукевич датировал найденный в гробнице лекиф второй четвертью V в. до н.э. и на этом основании считал, что захоронения в описанной выше гробнице были совершены около середины этого столетия [Гайдукевич, 1952, с. 215]. С.Ю. Монахов отнёс амфору с рельефным клеймом на горле к типу сосудов «с раздутым горлом», выделенному И.Б. Зеест, и, сопоставив её дату с датой лекифа, датировал комплекс второй четвертью V в. до н.э., вероятнее всего, 60-ми гг. столетия [Монахов, 1999, с. 101-102, табл. 30]. Помимо разнообразия погребального инвентаря, присутствия таких негреческих черт обряда, как положение амфор в могилу и наличие акинака, следует отметить также и достаточно редкий тип погребального сооружения – каменный ящик.

В погребениях Пантикапейского некрополя в V в. до н.э. начинают появляться достаточно дорогие, несомненно, «роскошные» золотые украшения, по-видимому, свидетельствующие о богатстве и высоком социальном статусе погребённых. К эпохе Археанактидов, вероятно, принадлежало погребение, раскопанное А.Е. Люценко в 1854 г., содержавшее ожерелье из 120 золотых бусин разной формы, сделанное, вероятнее всего, в Аттике [Калашник, 2014, с. 72-73]. В том же году в погребениях были найдены 2 золотых перстня, изготовленные в середине и во второй половине

V в. до н.э. [Калашник, 2014, с. 74–77]. Однако, как мы видим, случаи подобных находок достаточно редки, они, скорее, представляют собой исключения. В целом же кажется очевидным, что территория раннего некрополя Пантикапея была общей и для рядовых граждан полиса, и для представителей его элиты [Цветаева, 1951, с. 84].

Некрополь Нимфея. Для эпохи Археанактидов здесь тоже известны погребения по обряду трупосожжения, во время совершения которых в качестве урн для праха использовались дорогостоящие привозные сосуды. Из 7 погребений этого типа, учтённых Л.Ф. Силантьевой, 3 можно отнести к V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 14–15]. В одном из курганов, раскопанном А.Е. Люценко в 1867 г., урной служила аттическая краснофигурная гидрия третьей четверти V в. до н.э. [Силантьева, 1959, рис. 4], помещённая в четырехугольное углубление, выложенное каменными плитами, сверху она была накрыта дном остродонной амфоры. В насыпи этого кургана над гидрией был найден фрагментированный краснофигурный кратер 40-х гг. V в. [Силантьева, 1959, рис. 3], вероятно, разбитый во время тризны.

В 1878 г. С.И. Веребрюсовым в «сплошных могильных насыпях» Нимфея на глубине менее 1 м от дневной поверхности был найден краснофигурный кратер, окружённый камнями и содержащий пережжённые кости. Ещё один краснофигурный кратер, переданный в Керченский музей А.Е. Люценко в 1867 г., также, вероятно, был использован в одном из нимфейских курганов в качестве погребальной урны [Силантьева, 1959, с. 15–16]. Отмечено, что для Нимфея обряд кремации с помещением праха в урну наиболее часто встречается в курганных погребениях. Большинство из этих комплексов были раскопаны в XIX в., и подробнее о них речь пойдёт ниже. Тем больший интерес для понимания особенностей обряда, характерного для погребений боспорской элиты эпохи Археанактидов, имеют данные, полученные в результате раскопок нимфейского кургана № 14, проведённых под руководством Н.Л. Грач в 1979 г. [Грач, 1999, с. 175 сл.]. Высота этого распаханного кургана, находившегося в северо-восточной части некрополя, составляла 1,6 – 1,72 м, диаметр – 150 м. На глубине 2,94 м от центра насыпи, на уровне его подошвы, была выявлена большая горелая площадка, где оказалось множество кусочков угля, золы и разбросанных мелких костей и фрагментов бронзовых изделий. К северо-востоку от неё, на расстоянии 3,55 м находилось тёмное пятно прямоугольных очертаний, которое было интерпретировано как площадка для сожжения тела умершего. Недалеко от этой площадки было обнаружено скопление фрагментов обгорелой керамики, преимущественно амфор, в том числе обломок венчика фасосской амфоры V в. до н.э. Ниже к северу была выявлена яма, перекрытая плитами, под ними зафиксированы обгоревшие деревянные плахи. В яме находилась краснофигурная аттическая гидрия середины V в. до н.э., украшенная изображением сцены из жизни гинекея, содержащая прах умершего [Грач, 1999, рис. 86]. Гидрия была вставлена в перевёрнутое горло амфоры, разбитой на мелкие части. Сверху гидрия была накрыта нижней частью фасосской амфоры [Грач, 1999, рис. 87]. Яма оказалась заполненной золой, в которой были обнаружены обломки керамики, бронзовых и железных изделий. Кроме

Вещевые наборы погребений этой группы включали глиняные сосуды, металлические изделия, золотые украшения.

Особого внимания заслуживают *захоронения в каменных гробницах*. Несомненно, они принадлежали представителям местной греческой элиты. К таким комплексам можно отнести каменную гробницу 9/1876, открытую в кургане 20, сложенную из тесаных плит известняка и перекрытую одной такой же плитой, содержащую костяк в деревянном саркофаге, положенный головой на восток. В погребении были обнаружены набор столовых сосудов, позволивший Л.Ф. Силантьевой датировать его серединой V в. до н.э., бронзовый черпак, зеркало и остродонная амфора [1959, с. 40 сл.]. Здесь же были найдены золотые украшения: ожерелье из гладких бус биконической формы и перстень [Силантьева, 1959, рис. 19, 1-2]. Золотой перстень из этого комплекса датируют третьей четвертью столетия [Неверов, 1978а, кат. № 14; Калашник, 2014, с. 65], поэтому, вероятно, и весь комплекс относится к этому времени.

В каменной гробнице 23/1879 были найдены терракотовый рельеф V в. до н.э., представляющий танцующую женщину²², золотая подвеска с львиной головкой и бронзовые украшения. Ещё одна каменная гробница, содержащая золотые вещи, была найдена при раскопках сплошных могильных насыпей. Внутри неё стоял деревянный гроб, в котором были найдены золотые бусы, перстень с изображением грифона, терзающего лошадь, и два лекифа [Силантьева, 1959, рис. 19, 3-4]. Л.Ф. Силантьева датировала эти погребения в пределах первой половины V в. до н.э. и относила к женским захоронениям [Силантьева, 1959, с. 46]. Сырцовые и земляные гробницы (простые и покрытые плитами), открытые при раскопках нимфейских курганов и «сплошных насыпей», имели более скромный инвентарь [Силантьева, 1959, с. 23 сл.].

При несомненной яркости и выразительности отдельных погребальных комплексов приходится признать, что большинство погребений некрополя Нимфея, совершённых по обряду, который можно охарактеризовать как греческий, имели столь же скромный вид, как и большинство захоронений этого времени, открытых на некрополях других боспорских городов. Систематические раскопки грунтового некрополя Нимфея, предпринятые Н.Л. Грач, позволили ей прийти к выводу, что «погребения V в. до н.э., включая третью четверть столетия, содержат очень скромный сопутствующий инвентарь, хотя и несколько увеличивающийся по сравнению с позднеархаическим периодом. В погребения ставится теперь не 1-2, а 3-4 сосуда» [Грач, 1999, с. 180]. Результаты этих раскопок также подтвердили вывод Л.Ф. Силантьевой о связи самых богатых погребений некрополя с обрядом кремации.

Азиатский Боспор. Погребения грунтовых некрополей Азиатского Боспора, как и большинство захоронений Боспора Европейского, в эпоху Археанактидов

²² Терракотовая плитка с раскрашенным рельефным изображением танцующей «жрицы Афродиты», также относящаяся к V в. до н.э., была найдена в Ольвии [Крапивина, 2006, с. 195, рис. 3].

В греческих некрополях Азиатского Боспора так же, как и на Европейском Боспоре, известен *обряд кремации* с последующим помещением останков умерших в дорогие привозные сосуды, однако для V в. до н.э. таких комплексов очень мало. Например, в *некрополе раннего Анапского поселения* в погребении 11 вместилищем для праха послужил италийский краснофигурный колоколовидный кратер 450–400 гг. до н.э., роспись которого представляет дионисийскую процессию [Алексеева, 1991, с. 45, 53-54, табл. 11; 2010, с. 478, рис. 9]. В целом же некрополь раннего Анапского поселения V в. до н.э. достаточно скромнен. К погребению 8 относится редкая для этого времени находка – известняковое надгробие в виде прямоугольной плиты с надписью «Филоксен, сын Клеона, из Пелопонесса, из Гелики». Эпитафию можно датировать 80-ми годами V в. до н.э. [Алексеева, 1991, с. 52-53]. В погребении были найдены два краснофигурных сосуда – скифос и ойнохоя. В других захоронениях некрополя обнаружены лекифы [Алексеева, 1991, с. 51 сл.], характерные для других боспорских некрополей.

Нельзя исключить, что элитные погребения интересующего нас времени могли содержать курганы, раскопанные Д.В. Карейшей у *ст. Сенной* в 1842 и 1843 гг. Тогда он исследовал 8 невысоких насыпей [Карейша, 1844, с. 609]. Вот как описал результаты его работ К.К. Гёрц: «В другой небольшой насыпи, по совершенном её разрытии, найдена большая жжёная земляная гробница, и в ней между углями и костями два разбитые глиняные сосуда или вазы: одна, тонкой работы, с превосходным рисунком, покрытым позолотой и разными красками; другая, особенной формы (οξύβαφον), под закраиною которого, на чёрном поле, представлен широкий лавровый венок, а под ним с одной стороны изображены три греческие фигуры в мантиях, с разными жертвенными орудиями в руках, а с другой – домашняя сцена, из нескольких лиц, возлежащих на пиру, на широком ложе» [Гёрц, 1898б, с. 19]. В третьем кургане, ближе к морю, оказалась «жжёная гробница» с костями и «разбитым простым глиняным сосудом». В четвёртом и пятом курганах были найдены две «жжёные гробницы», одна из которых оказалась полностью разорённой, «а в другой кроме костей, углей и простой глиняной вазы, ничего более не отыскано».

Более 40 грунтовых погребений, относящихся к концу VI – V вв. до н.э., были открыты в *некрополе на м. Тузла* [Сорокина, 1957, с. 7], возможно, принадлежавших некрополю Гермонассы. Они были совершены в ямах (в ряде случаев перекрытых досками) и в сырцовых гробницах. Сырцовые гробницы встречены также в других некрополях, расположенных неподалёку: некрополе между мысами Тузла и Панагия и некрополе близ южного кордона. Для могил всех типов характерны преимущественно труположения, преобладающая ориентировка – восточная (24 случая) [Сорокина, 1957, с. 12–14; 18]. В Тузлинском некрополе известен лишь один случай трупосожжения. На дне могил встречалась подсыпка из морского песка, иногда смешанного с раковинами моллюсков, в одной могиле зафиксирована засыпка костяка из морской травы – камки. [Сорокина, 1957, с. 15]. Среди непо потревоженных комплексов некрополя 10 относились к рубежу VI–V вв. до н.э., 8 – к V–IV вв. до н.э.

Инвентарь представлен амфорами (как правило, стоявшими в ногах погребённых), чашами, туалетными сосудами [Сорокина, 1957, с. 19 сл.]. Известны мужские погребения с оружием: мечами, копьями, колчанными наборами. Полный набор вооружения встречен в трёх могилах, для остальных характерно сочетание отдельных видов вооружения – меч и копье, меч и стрела, копье и стрела [Сорокина, 1957, с. 21]. Отдельные женские погребения выделяются относительным богатством инвентаря (до 6 сосудов) и находками золотых и серебряных украшений [Сорокина, 1957, с. 19]. Примечательной особенностью Тузлинского некрополя является наличие каменных надгробий из местного известняка, пять из которых принадлежит к V в. до н.э. Три из них представляли собой однотипные высокие каменные плиты, утолщающиеся в нижней части, на которых вырезаны имена погребённых. Фрагмент четвёртого, скульптурного надгробия в виде полулежащей фигуры, был найден в могиле № 2 в 1913 г. В.Н. Глазовым [Сорокина, 1957, с. 16-17, рис. 7]. Н.П. Сорокина датировала его временем не позднее начала V в. до н.э. Исследовательница полагала, что подобный тип надгробия характерен для Этрурии и Западного Средиземноморья в большей степени, чем для Ионии. Однако изваяния в виде лежащих фигур всё же встречаются в Восточной Греции архаического времени, например, в похожей позе представлена женская фигура, украшавшая «священную дорогу», ведущую в святилище Геры Самосской, созданная около 570 г. до н.э. [Cook, 1963, fig. 31].

Интересные комплексы грунтовых захоронений происходят из некрополя возле хутора *Кротенко*, расположенного в прибрежной области между мысами Тузла и Панагия, исследования на котором проводил В.В. Шкорпил. Захоронения V в. до н.э. совершались здесь в простых ямах и сырцовых гробницах. Многие из раскопанных здесь погребений обнаруживают сочетание греческих и негреческих черт обряда. Так, например, могила № 205 (23) представляла собой простую «земляную гробницу», перекрытую брёвнами и толстым слоем устричных раковин, дно её также было покрыто толстым слоем раковин. Впечатляют размеры могилы – длина её достигала 2,65 м, ширина колебалась от 1,10 до 1,74 м, глубина 0,72 м. Костяк в деревянном гробу лежал головой на юго-запад. В углу, слева возле ног стояла остродонная амфора, справа же – большое глиняное блюдо (диаметром 0,34 м). На блюде лежали три кости коровы, бронзовый черпак (длина рукояти 0,43 м) «с обычной лебединой головкой на конце и такое же сито, украшенное такою же головкой» [Шкорпил, 1911, л. 127]. Рядом с ним стояла чернолаковая чаша и два «чернолаковых блюда», здесь же лежала кость коровы. «В ногах костяка посреди перечисленных вещей стоял килик необыкновенной величины (диаметр 0,22 м), покрытый густым блестящим лаком чёрного цвета». Возле пятки правой ноги найдена бронзовая воворка, немного ниже кисти левой руки – 11 железных и 4 бронзовых наконечника стрел. Поперёк костяка от правой руки к левому колену лежал железный меч. Возле правого локтя были найдены обломки «простой алабастриды», слева возле головы – обломки железного наконечника копья [Шкорпил, 1911, л. 127-128].

Ещё одна «земляная гробница» № 210 (28), покрытая досками и слоем песка,

смешанного с устричными раковинами, достигала 1,45 м в длину и 0,85 м в ширину. У пояса костяка была найдена бронзовая бляха с наложенной серебряной пластинкой «с неясным изображением двух птиц, стоящих друг против друга». У правой руки лежали обломки алабастра из белого финикийского стекла с чёрными горизонтальными полосками и зигзагами, у левой – «изящная амфорка из синего финикийского стекла с желтыми и голубыми зигзагами». Рядом находились чернолаковое блюдо, три фрагментированные терракотовые статуэтки: «сидящая женщина, бюст женщины и кукла с подвижными руками и ногами», бронзовая иголка и 2 пряслица (одно из глины, другое – из свинца). Возле головы были найдены «серьги-подвески в виде овально свёрнутого два раза прутика, украшенного на обоих концах пирамидками из шариков». В ногах были обнаружены обломки чернолакового килика и простая глиняная ойнохоя с двойной ручкой и с росписью в виде горизонтальных полос по тулову [Шкорпил, 1911, л. 130-131, 168]. Вероятно, эта могила содержала детское погребение.

Обнаруженная здесь сырцовая гробница № 209 (27) имела 1,78 м в длину, 1,02 м в ширину, 0,55 м в глубину. Гробница была покрыта досками и слоями морской травы и песка, смешанного с устричными раковинами. Возле правого плеча костяка, обращённого головою на восток, был найден железный наконечник копья, возле левой руки – обломки железного меча, 7 бронзовых и 3 железных наконечника стрел. Возле левого локтя стояли в ряд три сосуда: чернолаковые килик и блюдо, а также «простая» чаша с четырьмя концентрическими кругами на дне, в ней была обнаружена баранья кость. В ногах костяка, в левом углу гробницы, стояла остродонная амфора с подвешенным к венчику бронзовым черпаком, рукоятка которого заканчивалась «обычной лебединой головкой». В засыпке гробницы над ногами погребённого были найдены лошадиные кости [Шкорпил, 1911, л. 130-131, 168].

Другая сырцовая гробница № 2 (открыта 15 июля 1911 г.) была покрыта досками и слоем морской травы и достигала 1,81 м в длину и 0,90 м в ширину. Костяк лежал головою на северо-восток. В левом углу гробницы стояла амфора, в ногах остова были найдены обломки чернолаковой чаши, у левой руки – ещё одна чернолаковая чаша и «одноручный сосудик из светло-жёлтой глины». Возле головы были обнаружены обломки бронзовой иглы, пара серебряных подвесок с пирамидками из шариков на концах²³ и 14 золотых бусин, «к которым, кроме четырёх, прикреплены подвесочки в виде продолговатых зёрен». За правым плечом костяка, на толстом слое морской травы, лежало круглое бронзовое зеркало [Шкорпил, 1911, л. 126].

Серия погребений интересующего нас периода была открыта в результате раскопок некрополя Артющенко 2, расположенного сравнительно недалеко от Гермонассы. Памятник начал изучаться в наше время, его раскопки продолжают-ся на современном научном уровне и дают надёжные археологические контексты и

²³ В этих предметах легко узнаются т.н. спиралевидные подвески, начавшие распространяться на Боспоре в первой половине V в. до н.э. [Силантьева, 1976, с. 125 сл.].

датировки. Большинство захоронений этого некрополя принадлежат к V в. до н.э.: к концу VI – второй четверти V в. до н.э. принадлежат 58 погребений; к середине – второй половине V в. относится 20 погребений [Кашаев, 2013а, с. 86, табл. 2]. Здесь были выявлены три основных типа погребальных сооружений: простые грунтовые ямы, грунтовые ямы, имевшие перекрытие (из досок, сырцовых кирпичей или комбинированные), и склепы из сырцового кирпича [Кашаев, 2009б, с. 215-216]. Для могильника характерны устойчивые элементы погребального обряда: восточная ориентация погребённых, традиционный набор из трёх сосудов (для еды, для вина, для питья), мужские вещи (оружие) и женские (зеркала, предметы для шитья, украшения) [Кашаев, 2009б, с. 215 сл.; 2013а, с. 83-84]. В ряде могил первой половины V в. до н.э. были встречены украшения из серебра (бусины и кольцо) [Кашаев, 2009б, с. 219; 2010, с. 143-144], в погребениях последней четверти V – начала IV вв. до н.э. появляются бусы и подвески из золота [Кашаев, 2010, рис. 1, 2].

Немногочисленные погребения некрополя *Тирамбы*, которые могут относиться к рассматриваемому нами времени, имеют достаточно простые конструкции и скромный инвентарь. Так, например, могила № 123, раскрытая в 1968 г. и датированная в пределах первой половины V в. до н.э., представляла собой грунтовую яму, содержащую костяк, лежавший головою на северо-восток. В ногах у него находились чернолаковый килик и два лепных сосуда, на правой руке был надет бронзовый браслет, на пальцах – четыре бронзовых перстня с овальными щитками, рядом лежали бронзовая иголка и два глиняных пряслица. Детское захоронение № 120, относившееся к этому же времени, содержало чернолаковый килик, стоявший в ногах погребённого; у его левой руки находились 5 бронзовых наконечников стрел, бронзовая ворворка, бусы, 4 раковины каури [Коровина, 1987б, с. 17].

В грунтовых некрополях Азиатского Боспора, как и Боспора Европейского, известны погребения, в которых были найдены *амфоры*. Например, в некрополе Кептарные амфоры на сложнокольцевом поддоне, датирующиеся 520–480 гг. до н.э., зафиксированы в 9 погребениях, во всех случаях они располагались в головах погребённых [Сорокина, Сударев, 2003, с. 297 сл.]. Находки амфор засвидетельствованы в захоронениях второй четверти V в. до н.э. на некрополе Артющенко 2 [Кашаев, 2009б, с. 193-194].

Амфоры использовались не только в качестве погребальных приношений. Погребение № 109, открытое в восточном некрополе Фанагории, содержало детское захоронение, совершённое в хиосской амфоре [Блаватский, 1951, с. 212 сл., рис. 14, 1], которую можно отнести к концу первой–второй четверти столетия [Монахов, 2003, с. 17-18]. На некрополе Артющенко 2 зафиксировано 9 случаев погребений младенцев в амфорах [Кашаев, 2013а, с. 83].

Заметим, что обычай помещать амфоры в погребения прослеживается и в материалах синхронных некрополей других центров Северного Причерноморья. Так, например, он достаточно широко был представлен в Ольвии, где, согласно сравнительно недавно проведённым подсчетам, в могилах, датирующихся временем со вто-

рой четверти V по третью четверть IV в. до н.э., амфоры входили в состав инвентаря почти половины погребений [Папанова, 2005, с. 221]. По-видимому, для рядового населения греческих центров Северного Причерноморья этот элемент погребального инвентаря был достаточно обычным.

Погребения с оружием. В интересующую нас эпоху продолжается традиция помещать в захоронения предметы вооружения. Согласно подсчётам Г.А. Цветаевой, 12 % погребений Пантикапея VI–V вв. до н.э. составляли погребения с оружием [1951, с. 68]. Н.И. Сокольский писал о 14 % таких захоронений в пантикапейском некрополе этой эпохи, отметив, что позже, в IV–III вв. до н.э., количество погребений с оружием в могилах на горе Митридат сокращается до 5–6 % от общего количества исследованных захоронений [Сокольский, 1954а, с. 126]. К сожалению, погребения V в. до н.э. содержавшие наконечники копий, бронзовые наконечники стрел, ножи, реже остатки мечей, как правило, не удаётся выделить из всей массы захоронений раннего времени. Они обычно не имеют надёжных хроноиндикаторов (например, образцов расписной посуды) в составе вещевых комплексов, поэтому подсчёт количества таких погребений, относящихся к эпохе Археанактидов, достаточно сложен.

А.А. Завойкин и Н.И. Сударев предприняли попытку «сузить» датировки известных в настоящее время комплексов с оружием [Завойкин, Сударев, 2006]. Согласно составленной этими исследователями сводке, в некрополе Пантикапея к эпохе Археанактидов могут относиться следующие комплексы:

1). Погребение 19/1911, датированное последней четвертью VI – второй четвертью V вв. до н.э., содержавшее амфору на сложнопрофилированном кольцевом поддоне 520–480 гг. до н.э., короткий меч (длина – 0,51 м), два наконечника копий и 88 наконечников стрел.

2). Погребение 72/1904, содержавшее килик, лекиф «мастера Белдама» второй четверти V в. до н.э. и копьё.

3). Погребение 107/1904, содержавшее копьё и амфориск финикийского стекла, позволивший датировать комплекс первой половиной V в. до н.э.

4). Погребение 124/1904 второй половины VI – первой половины V вв. до н.э., содержавшее копьё и колчаный набор.

5). Погребение 33/ 1902, датированное по аналогии с близлежащими могилами в пределах второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. В нём был найден железный меч.

6). Погребение 1891 г. с трупосожжением в гидрии 500–450 гг. до н.э. [Завойкин, Сударев, 2006, с. 107].

В некрополе Кеп оружие встречено в двух погребениях второй половины V в. до н.э.; в некрополе Тирамбы выявлено 2 подобных захоронения, относящиеся ко второй четверти столетия и 3 – к его первой половине. Для некрополя Фанагории известно 2 погребения с оружием, относящихся к интересующему нас периоду [Завойкин, Сударев, 2006, с. 116].

Анализ динамики численности погребений с оружием позволил этим авторам

выделить три периода «распространения оружия» в могилах Боспора второй половины VI – V вв. до н.э. Первый, длящийся до середины V в., характеризуется «ростом военно-политической напряжённости», при этом в «азиатских» некрополях максимум захоронений приходится ещё на первую четверть столетия, и только Пантикапей демонстрирует «индивидуальный пик» во второй четверти V в. до н.э. Следующий период, охватывающий третью четверть V в. до н.э., отличается некоторым снижением количества погребений с оружием всюду, кроме Нимфея. В третьем, приходящемся на последнюю четверть столетия, опять фиксируется некоторый подъём, что, по мнению А.А. Завойкина и Н.И. Сударева, отражает нарастание военно-политического напряжения на Боспоре [Завойкин, Сударев, 2006, с. 134-135].

Достаточно представительную серию погребений с оружием, как уже частично говорилось, дали раскопки некрополя Артющенко 2. В инвентарь погребений могильника входили различные виды наступательного вооружения – мечи, копья, колчаные наборы, ножи (кинжалы), причём все найденные мечи (более 10 экз.) относятся к различным типам акинаков [Кашаев, 2009б, с. 217 сл.; Ворошилов, Кашаев, 2010]. В составе некрополя можно выделить группу захоронений с оружием, относящуюся ко второй четверти V в. до н.э. [Кашаев, 2008, с. 131–135]. Особенно интересен уникальный биметаллический меч из погребения № 32 [Ворошилов, Кашаев, 2011, рис. 2]. Он был обнаружен в сырцовом склепе, содержавшем останки двух мужчин, 45–50 и 25–30 лет, предположительно отца и сына, рядом с младшим из погребённых были найдены железный наконечник копья, наконечники стрел, а также меч и железный боевой нож [Кашаев, 2009б, с. 222, Ворошилов, Кашаев, 2011, с. 29–33].

М.И. Ростовцев относил погребения с оружием к захоронениям негреческого населения [Ростовцев, 1925, с. 196], однако позже исследователи стали интерпретировать такие погребения, как погребения свободных граждан-воинов [Цветева, 1951, с. 84]. В.Д. Блаватский считал, что «во времена Археанактидов государство вряд ли располагало достаточными средствами, чтобы содержать наёмную армию. Да в то время Боспор, видимо, и не нуждался в ней» [Блаватский, 1954, с. 41]. Н.И. Сокольский, также полагавший, что в эту эпоху почти все взрослые мужчины, граждане Пантикапея, являлись воинами, считал, что грекам-переселенцам «приходилось вести постоянную борьбу с местным населением» [Сокольский, 1954а, с. 126].

Обладание оружием, право на его ношение во все эпохи было одной из привилегий высших, элитарных сословий. Для греков, живших в северопричерноморских городах, производство и ношение оружия было не только необходимостью, обусловленной потенциальной опасностью, усилившейся в неблагоприятные периоды, к каким, безусловно, можно отнести первую треть V в. до н.э. Это достаточно общее соображение вовсе не означает, что мы должны интерпретировать каждое погребение с оружием как погребение представителя боспорской элиты. Однако представляется вполне очевидным и то, что те из подобных захоронений, в комплексах которых

зафиксированы наряду с предметами вооружения (прежде всего, мечами) какие-либо другие выразительные черты (тризна, относительно сложная конструкция погребального сооружения, дорогие художественные изделия и пр.), скорее всего, принадлежали именно представителям элиты. Наиболее примечательным, несомненно, является захоронение с мечом, открытое А.А. Бобринским в 1891 г. в Пантикапее, о котором речь шла выше. То, что среди населения греческих городов достаточно быстро получили распространение местные, варварские типы вооружения (прежде всего, мечи-акинаки, луки и колчаные наборы), представляется достаточно естественным. Не удивительно, что погребения с оружием позднеархаического и раннеклассического времени представлены и в некрополе Ольвии [Скуднова, 1960; Гречко, 2010б, с. 53].

Для интересующего нас периода, охватывающего время правления Археанактидов, мы можем с уверенностью говорить о возникновении по крайней мере одной черты, присущей боспорской элите этого времени. Археологические материалы дают нам достаточно убедительные свидетельства о традиции ношения представителями этой элиты фамильных (?) перстней и колец. Еще М.И. Максимова обратила внимание на то, что из Северного Причерноморья происходит целая серия дорогих перстней и колец, изготовленных лучшими мастерами [Максимова, 1955, 439 сл.; Неверов, 1973, с. 52 сл.]. Некоторые экземпляры V в. до н.э. происходят из знаменитых гробниц более позднего времени, что, очевидно, свидетельствует о том, что их носили достаточно долгое время, возможно, передавая следующему поколению как семейные реликвии. Так, один из перстней работы мастера Дексамена Хиосского третьей четверти V в. до н.э. с резным изображением летящей цапли на халцедоне [ОАК за 1861 г., с. 142 сл., Максимова, 1955, с. 439–441, рис. 2; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 55, 185, рис. 42, 3 Калашник, 2014, рис. 88–89] был найден в комплексе гробницы № 48 кургана 5 некрополя Юз-Оба, датирующемся в пределах второй четверти IV в. до н.э. [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 61].

В погребении, исследованном А.Е. Люценко в некрополе Пантикапея в 1854 г., был найден золотой перстень-печать, изготовленный в Ионии во второй половине V в. до н.э. мастером Афинадом [Калашник, 2014, с. 76–77]. На щитке этого перстня, представляющего собой замечательный образец восточногреческого ювелирного искусства [Максимова, 1955, с. 441 сл.], представлен сидящий перс, одетый в нарядно расшитые рубаху и шаровары, с широкими браслетами на обеих руках. Он пристально рассматривает стрелу, у правого колена изображён лук, надетый концом на правую руку.

Из комплекса другого погребения, датированного рубежом V–IV вв. до н.э., также раскопанного на некрополе Пантикапея, происходит золотой перстень, изготовленный в середине V в. до н.э. и, по-видимому, достаточно долго находившийся в употреблении перед тем, как попасть в захоронение. [Калашник, 2014, с. 74–75]. На щитке этого перстня, служившего украшением (а не печатью, в отличие от вышеле-

речисленных), представлена сидящая Пенелопа, склонившая голову к правому плечу и, вероятно, в этой печальной позе ожидающая возвращения Одиссея.

В гробнице 8 кургана 17, раскопанного в Нимфее, был найден золотой перстень-печать V в. до н.э. с изображением летящей Ники [Силантьева, 1959, с. 171, рис. 38, 3; Калашник, 2014, с. 64]. В одной руке богиня держит ветвь, второй приветствует победителя. Из гробницы 9 кургана 20 того же некрополя происходит золотое кольцо третьей четверти V в. до н.э., украшенное орнаментом в виде пальметок [Силантьева, 1959, с. 42, рис. 2 а-б; Калашник, 2014, с. 65].

Любопытно, что для V в. до н.э. известны лишь два золотых перстня греческой работы, найденные в погребениях Скифии. Один из них, с выгравированным на щитке изображением варвара, стреляющего из лука [Ромашко, Скорый, 2009, рис. 12, 22; рис. 63, 1, 2], происходит из комплекса основного захоронения кургана Блинец 2 на южной окраине современного г. Днепропетровска. Высота кургана на момент раскопок составляла немногим более 7 м, диаметр его основания, судя по остаткам каменной крепиды, изначально равнялся 42-43 м [Ромашко, Скорый, 2009, с. 93]. В.А. Ромашко и С.А. Скорый отмечают, что он принадлежит к самым значительным скифским элитным курганам V в. до н.э. Огромные размеры могилы и погребальной камеры (площадь её – более 34 кв. м), богатый и разнообразный инвентарь, остатки человеческого жертвоприношения, наличие трёх конских могил также свидетельствуют в пользу высочайшего социального статуса погребённого [Ромашко, Скорый, 2009, с. 94 сл.]. Наиболее вероятная дата погребения – вторая половина V в. до н.э., не позднее конца столетия. Перстень же был изготовлен ранее – в первой половине столетия (возможно, в самом его начале) и, судя по затёртости изображения, мог использоваться в течение нескольких десятилетий [Ромашко, Скорый, 2009, с. 64-65].

Другой перстень-печать, с изображением возничего, управляющего несущейся колесницей, в которую запряжены два коня (рис. 6), был найден на территории Левобережной лесостепи в комплексе кургана 2 (24)/2001 могильника Перещепино I к западу от Бельского городища [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 98-99, рис. 109; табл. III, 4]. В состав инвентаря погребения входили также колчаный набор, железные ножи, бронзовое зеркало, золотые нашивные бляшки, арибалы из «финикийского» стекла, фаянсовые и стеклянные бусы и другие изделия [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 90 сл.], что также позволяет интерпретировать его как захоронение скифского аристократа. Скорее всего, его социальный статус был несколько ниже по сравнению со статусом погребённого в кургане Блинец 2, но, вне всякого сомнения, погребённый здесь воин принадлежал к местной элите. Перстень из этого комплекса отличается высоким уровнем художественного исполнения – композиция, украшающая щиток, одновременно строгая и выразительная, прекрасно передаёт стремительный бег колесницы. По типологии О.Я. Неверова, перещепинский перстень относится к типу 2, бытовавшему в первой половине V в. до н.э. [Неверов, 1986, с. 18-19]. Сцены, представляющие конные ристалища, известны в греческой вазовой живописи классического времени. Композиция на перстне из Перещепино близка изображениям на аттическом

чернофигурном скифосе из Коринфа, датирующемся 490–480 гг. до н.э. [Brownlee, 1995, pl. 87, n. 260]. Сам же комплекс захоронения, вероятно, датируется временем ближе к концу столетия. Таким образом, можно предположить, что, перед тем как попасть в погребение, золотой перстень, как и перстень из кургана Близнец 2, также долгое время служил украшением-символом власти. Находки в курганах Близнец 2 (степь) и кургана могильника Перещепино I (лесостепь) чрезвычайно выразительны и знаменуют собой начало распространения в скифской аристократической среде обычая носить дорогие перстни, изготовленные греческими мастерами²⁴. В этой связи нельзя не вспомнить об известной находке так называемого «перстня Скила» в Северной Добрудже, несомненно, принадлежавшего к этой же группе социально значимых вещей, свидетельствующих о высоком статусе их владельцев. На его щитке выгравировано изображение сидящей слева женщины, держащей в правой руке зеркало с боковой ручкой [Виноградов, 1980, с. 93, рис. 1]. Ю.Г. Виноградов датировал перстень второй четвертью V в. до н.э. и полагал, что он мог принадлежать скифскому царю Скилу и, вероятно, его венценосному предшественнику Арготу [Виноградов, 1980, с. 92 сл.].

Показательно, что рядовое население боспорских городов стремилось по мере сил подражать этой аристократической моде, довольствуясь кольцами и перстнями из более дешёвых материалов – серебра и бронзы, которые в это время также регулярно встречаются в погребениях. По наблюдению А.К. Коровиной, формы перстней, происходящих из раскопок погребений Фанагории и Тирамбы, были такими же, как у золотых изделий; перстни ранней группы при этом имели резные изображения, т.е. являлись печатями [Коровина, 1987а, с. 137 сл.].

Золотые кольца V в. до н.э. были обнаружены и в составе инвентаря захоронений Ольвийского некрополя [Калашник, 2014, с. 52, 53], что, очевидно, отражает существование этой традиции среди элиты других греческих городов Северного Причерноморья.²⁵

1.7. Курганы «с варварскими чертами» вблизи боспорских городов

Для района Киммерийского Боспора с древнейших времен характерны курганы, сооружённые над могилами представителей аристократической верхушки скифского общества. Некоторые из них можно с большой степенью вероятности связывать с путём сезонных миграций кочевников из Приднепровских степей на Тамань. К их

²⁴ Сюжеты, украшающие перстни, – изображение варвара-лучника и возникшего, управляющего несущейся колесницей, также весьма выразительны и, вне сомнения, прекрасно «вписывались» в контекст скифской аристократической культуры.

²⁵ Согласно типологии металлических перстней, разработанной О.Я. Неверовым, самые ранние боспорские перстни принадлежат к типу 2, распространённому с начала и до середины V в. до н.э., причём 3 из них происходят с территории Тамани и 3 – из Нимфея. Перстень мастера Афинада из Пантикалея исследователь относил к типу 3 и датировал серединой – третьей четвертью V в. [Неверов, 1986, с. 18-19].

числу принадлежит и знаменитый курган Темир-Гора, оставленный недалеко от восточной оконечности Керченского полуострова, «на подступах» к проливу [Вахтина, 1991, с. 6-7]. В состав его основного погребения входила знаменитая милетская ойнохоя 650/40 – 630 гг. до н.э. [Копейкина 1972, с. 156; Cook, Dupont, 1998, р. 36, 38; Kerschner, Schlotzhauer, 2005, р.20], определяющая дату всего комплекса. Таким образом, курган, возведённый над этим погребением, появился в районе традиционной переправы еще до появления в регионе первых постоянных греческих поселений.

Ещё один скифский курган, хорошо «привязывающийся» к пути сезонных миграций, – курган у Цукурского лимана на Тамани [Вахтина, 1991, с. 7; 1993; Виноградов, 2009а, с. 385]. Захоронение, совершённое в этом кургане, содержало костяк, лежавший головой на запад (рис. 7). Сопровождающий инвентарь составляли топорик-клевец, колчаный набор (бронзовые наконечники стрел), бронзовая бляшка в «зверином стиле», а также греческие полихромная ойнохоя и килик, украшенный полосами лака (не сохранился). Наиболее вероятной датой погребения является конец первой – вторая четверть VI в. до н.э. То есть возведение кургана у Цукур-лимана синхронно начальному этапу греческой колонизации Азиатского Боспора, а греческие вещи в составе погребального инвентаря свидетельствуют о ранних контактах между греческими поселенцами и представителями туземной аристократии [Виноградов, 2001а, с. 78].

Характерной чертой эпохи Археанактидов является появление на территориях некрополей греческих городов или в непосредственной близости от них захоронений варварской аристократии [Виноградов, 2005а, с. 245 сл.]. На Керченском полуострове курганы в эту эпоху сосредоточены близ двух центров – Пантикапея и Нимфея [Виноградов, 2001а, с. 78-79]. В круге этих памятников особое место занимают погребения в курганах, сопровождающиеся конскими гробницами и/или уздечными наборами «варварского» облика.

Чрезвычайно важным для понимания греко-варварских взаимодействий на Боспоре в эпоху Археанактидов представляется захоронение *в кургане № 5 на мысе Ак-Бурун* к югу от Пантикапея [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 115 сл.; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 19 сл.]. Этот комплекс, как и другие курганы на мысе Ак-Бурун, был исследован сначала английским военным медиком Д. Макферсоном во время англо-французской оккупации Керчи в 1855-56 гг., затем А.Е. Люценко в 1862 г. [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 27]. Курган к моменту последних раскопок достигал примерно 8,5 м в высоту, длина его окружности была более 170 м. Любительские раскопки Д. Макферсона выявили углубление в скале, облицованное каменной кладкой; могильная яма была перекрыта досками, которые провалились внутрь гробницы. В яме были обнаружены куски орнаментированной слоновой кости [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 21, рис. 16], фрагменты керамики (возможно, от раздавленных землёй амфор) и греческая бронзовая гидрия [Бутягин, Виноградов, 2014, рис. 17]. Исследования, проведенные А.Е. Люценко, обнаружили два конских захоронения [Виноградов, Зинько, Смекалова, с. 115]. Одна из лошадей, захоронен-

ная под насыпью кургана на древней дневной поверхности, имела уздечный набор, от которого сохранились 16 предметов (рис. 8). В их числе железные удила, четыре полусферические бронзовые бляхи, три бляшки-пронизки в виде головок животных, две ременные бляхи в «зверином стиле», две бронзовые ворворки, круглая ажурная бляха и пряжки от подпружного ремня [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 28 сл., рис. 19–22]. Самыми интересными предметами конской упряжи являются круглая бляшка²⁶ в виде свернувшегося хищника [рис. 8, ; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, fig. 92; Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 11] и уникальная бронзовая налобная бляха в виде головы козла или сайгака [рис. 8, ; Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 12].

Э.В. Яковенко датировала уздечный набор из этого кургана временем не позднее середины V в. до н.э. и отметила его нетипичность в кругу синхронных ему наборов [Яковенко, 1970, с. 58–59]. Вместе с тем, отдельные элементы сближают этот набор с комплексами, происходящими из скифских курганов лесостепного Приднепровья, а также из Семибратних курганов в Прикубанье и Нимфейских курганов в Восточном Крыму [Яковенко, 1974, с. 105; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 34–35]. Всё это позволило Э.В. Яковенко высказать предположение о том, что детали для конской упряжи в V в. до н.э. могли производиться в мастерских Боспора [Яковенко, 1974, с. 104–107].

А.Е. Люценко отметил своеобразие устройства насыпи кургана, содержащей большое количество морских ракушек. Ю.А. Виноградов обратил внимание на то, что эта особенность не характерна для курганов Восточного Крыма, однако достаточно часто встречается на Таманском полуострове, где ракушками (или ракушками, смешанными с песком) нередко засыпали перекрытия могил [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 35; см.: Сорокина, 1957, с. 8, 12; см. также главу 1.6]. Особенно распространено было использование раковин в некрополях на мысе Тузла, где ими не только засыпали могилы, но и выстилали полы гробниц [Шкорпил, 1914, с. 21–71; Шкорпил, 1911, л. 127 сл.]. Это наблюдение, как и стилистические особенности уздечного набора, позволило исследователям «поставить Пятый Ак-Бурунский курган в культурном отношении в круг памятников азиатской стороны Боспора» [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 35].

Датировка кургана серединой–третьей четвертью V в. до н.э., опирающаяся на даты бронзовой гидрии и предметов конской упряжи [Виноградов Зинько, Смекалова, 2012, с. 116; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 28, 35], показывает, что этот комплекс принадлежит важному периоду в истории Боспора, в рамках которого правление Археанактидов сменяется приходом к власти других правителей – Спартокидов. Однако «культурный облик» этого комплекса, несомненно, связан с эпохой Археанактидов [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 36]. Пятый курган на мысе

²⁶ К приведенным исследователями аналогиям этой вещи [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 32, кат. 11] можно добавить бронзовую бляшку в виде фигурки свернувшегося хищника, случайно найденную в районе Добрича в северо-восточной Болгарии и, возможно, происходящую из разрушенного погребения, хранящуюся в музее Варны. А. Минчев, опубликовавший эту находку, датировал её первой половиной V в. до н.э. [Minchev, 2005, fig. 1, 2].

Ак-Бурун является древнейшим в знаменитом некрополе Юз-Оба, сформировавшимся во времена расцвета Боспора под эгидой Спартокидов. Однако в силу того, что следующий по времени курган этого некрополя был возведён приблизительно через 75 лет, этот памятник, «скорее всего, следует исключить из некрополя Юз-Оба и интерпретировать его в плане греко-варварских взаимодействий на Боспоре времени Археанактидов» [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 116]. Однако само возникновение на этой территории в IV в. до н.э. курганного некрополя Юз-Оба представляется нам фактом далеко не случайным.

Шесть захоронений с варварскими чертами обряда, которые можно датировать V в. до н.э., были открыты *вблизи Нимфея* [Силантьева, 1959, с. 56 сл.; Соколова, 1999; Sokolova, 2002]. Ещё три нимфейских комплекса удалось реконструировать на основе материалов, хранящихся в Ашмолинском музее в Оксфорде [Vickers, 1979; 2002]. Необычность курганных погребений нимфейского некрополя отмечал М.И. Ростовцев, который пришёл к выводу о том, что они «не могут считаться греческими, а принадлежат, несомненно, соседним скифам» [Ростовцев, 1925, с. 161]. Л.Ф. Силантьева приводит для некрополя Нимфея пять комплексов²⁷, даты которых соответствуют времени правления Археанактидов. Все они были совершены в курганах, находившихся на расстоянии 2-3 км от города и располагавшихся на тех же участках, что и другие погребения, не отличавшиеся «местными особенностями» [Силантьева, 1959, с. 56 сл.].

Самым ранним комплексом, по-видимому, является погребение в гробнице 14 кургана № 32, раскопанное в 1876 г. [Силантьева, 1959, с. 86], которое можно датировать первой половиной V в. до н.э. В отличие от других курганов этой группы курган № 32 содержал гробницу (разграбленную), сложенную из сырцовых кирпичей, а не из камня. По её периметру были открыты 4 конские гробницы с бронзовыми украшениями упряжи [Силантьева, 1959, рис. 48; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 63], находящими стилистические параллели в скифских курганах лесостепного Правобережного Приднепровья. Впрочем, отмечено, что бляшки в виде головы хищника (льва?) из кургана № 32 отличаются бóльшей реалистичностью по сравнению с экземплярами из лесостепи [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, p. 62]. Ближайшая же аналогия бляшкам из нимфейского набора, передающим образ хищника с круглым выпуклым глазом, отстоящим ухом и раскрытой пастью, в которой видны два клыка [Силантьева, 1959, рис. 48, 1-2], происходит из разрушенного погребения некрополя Тирамбы (случайная находка) [Коровина, 1987б, с. 5, рис. 2].

К интересующему нас времени принадлежит центральная гробница 9 в кургане 24/1876, сложенная из камней и содержавшая деревянный саркофаг, в котором находился костяк, лежавший головою на восток. На его шее была золотая гривна, вокруг

²⁷ Комплекс каменной гробницы № 16/1876 в сплошной могильной насыпи [Силантьева, 1959, с.78 сл.], также имеющий черты, сближающие его с перечисленными погребениями, принадлежит к более позднему времени – началу IV в. до н.э. [см.: Виноградов, 2005а, с. 249].

черепя были найдены золотые нашивные бляшки, по-видимому, служившие украшением головного убора [Силантьева, 1959, рис. 24]. Возле левого плеча находилась золотая «ворварка», около левой руки – скарабеоид из стекловидной массы с изображением на одной стороне коровы с телёнком, на другой – крылатого диска. Между продольными стенками гробницы и саркофага были положены доспехи и оружие погребённого, от которых сохранились фрагменты чешуйчатого панциря, несколько поломанных железных мечей, кинжалов и копий, бронзовые наконечники стрел [Силантьева, 1959, рис. 25]. Из этой же гробницы происходит целый набор дорогих греческих художественных изделий, из которых упомянем бронзовый «канделябр», увенчанный фигуркой атлета [Силантьева, 1959, рис. 30, 31], бронзовый черпак с двумя птичьими головками на конце ручки, украшенные гравировкой, бронзовые ситечко и большое зеркало, бронзовая ойнохоя второй четверти V в. до н.э. с изображением Силена в основании ручки [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, no. 104], обломок серебряной фиалы. Среди керамических находок отметим большой краснофигурный скифос [Силантьева, 1959, рис. 27] и 3 чернолаковых чаши. Из конской могилы этого кургана происходят бронзовые детали конской упряжи, украшенные в зверином стиле [Силантьева, 1959, рис. 37]. Золотая гривна на шее погребённого²⁸ – «знаковое» украшение, характерное для скифской элиты. Как отметила В.Г. Петренко, таких гривен для конца VI – V вв. до н.э. известно всего 10 экземпляров, причём в это время «они уже окончательно становятся принадлежностью только тех погребений, где похоронены были мужчины-воины, представители богатейшей всаднической верхушки». Начиная с конца VI в. до н.э. этот тип украшений встречается не только на территории лесостепи, но также в степной и крымской группах скифских памятников [Петренко, 1978, с. 41]. Аналогии гривне и нашивным бляшкам, найденным в гробнице, происходят из скифских погребений Крыма и лесостепного Приднепровья [Силантьева, 1959, с. 66-67]. Захоронение датируется временем около середины V в. до н.э.

В гробнице 8 кургана № 17/1876 г. был выявлен комплекс, близкий по обряду тому, который был обнаружен в предыдущем кургане [Силантьева, 1959, с. 71 сл.]. В гробнице, сложенной из плит, находился деревянный саркофаг, содержащий скелет, лежавший головой на восток. В изголовье, у шеи, плеч, на груди костяка были найдены золотые украшения: пронизи от ожерелья с зерновидными подвесками, 8 подвесок в форме «калачиков», разнообразные штампованные бляшки [Силантьева, 1959, рис. 37, 38]. У кисти левой руки был найден золотой перстень с изображением летящей Ники [Силантьева, 1959, рис. 38, 3; Калашник, 2014, с. 64]. В ногах лежали бронзовые черпак, сито, зеркало, два чернолаковых скифоса, алабастр,

²⁸ В.Г. Петренко в своей классификации поместила гривну из погребения кургана 24 нимфейского некрополя в отдел III, представленный гривнами, изготовленными из круглого в сечении литого стержня, расширенного в средней части. Гривна из Нимфея относится к типу 1 этого отдела, который образуют изделия с сужающимися незамкнутыми обрубленными или чуть округленными концами [Петренко, 1978, с. 44, табл. 30, 2].

морская губка и костяная булавка. По сторонам скелета, внутри и снаружи саркофага, обнаружены обломки железных мечей, кинжалов, наконечников копий, фрагменты чешуйчатого панциря на кожаной основе, бронзовые наконечники стрел, фрагментированный бронзовый шлем, бронзовая кнемида. Конская могила этого кургана содержала несколько костяков лошадей; конской упряжи при них не было найдено, однако несколько деталей упряжи были обнаружены в центральной гробнице. Захоронение датировано Л.Ф. Силантьевой последней третью V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 77]. Изысканное золотое ожерелье из этого комплекса относят к третьей четверти столетия [Калашник, 2014, с. 66].

Среди этой группы курган 14/1878 г. выделялся своими размерами – его высота на момент раскопок достигала 6 м, окружность насыпи – 115 м, содержащаяся в нём гробница также была больших размеров – 2,13 м × 1,25 м [Силантьева, 1959, с. 83, сл.]. Гробница здесь была почти полностью ограблена, но сохранившиеся вещи и их обломки (чешуйки панциря, наконечники стрел, обломки меча, фрагменты амфор, туалетные сосуды, бронзовые детали конской упряжи) позволяют предположить, что набор инвентаря был близок к обнаруженным в описанных выше комплексах захоронений. В насыпи кургана была обнаружена конская могила. Л.Ф. Силантьева предположительно отнесла это захоронение к середине – второй половине V в. до н.э.

В кургане 6/1878, центральная часть которого была разрушена грабительскими раскопками, при доследовании насыпи была найдена боковая гробница, содержащая останки 4 лошадей, лежавших в один ряд, пятый скелет находился впереди остальных. Среди небольшого набора конской упряжи представлен нащёчник, ближайшая аналогия которому происходит из комплекса кургана 66 могильникам Берестеняги близ Смелы [Силантьева, 1959, с. 86-87].

Ещё один, шестой комплекс, который можно отнести к этой группе памятников, был открыт на нимфейском некрополе в 1999 г. [Соколова, 1999, с. 184 сл.; Соколова, Павличенко, Каспаров, 1999, с. 326–340, рис. 7–9; Sokolova, 2003, p. 802, fig. 6]. Составляющие его погребения В-14 и В-15, объединённые неглубоким котлованом, были совершены в ямах, вырубленных в скале (рис. 9). Первое из них, перекрытое каменными плитами, среди которых были обнаружены части греческих надгробий с остатками надписей (рис. 10), оказалось ограбленным. В его заполнении и над перекрытием были найдены несколько фрагментов амфор «с раздутым горлом», датирующихся второй четвертью – концом V в. до н.э. Вторая могила содержала захоронение коня, по размерам соответствующего типу степной скифской лошади (его высота в холке была 138-140 см), предназначенной для верховой езды. В грунте под остовом и над ним были прослежены следы тления, что позволило предположить, что конь был покрыт попоной. По обе стороны от его пасти были найдены 2 бронзовые ворворки, две бронзовые подвески в виде «висячих замочков» и две бронзовые выпуклые пряжки с зооморфными изображениями; ещё две такие пряжки находились по обе стороны от лобных костей, на носу была найдена бронзовая пластина (рис. 11). Уздечный набор по аналогиям с находками из скифских гробниц был датирован

временем не позднее третьей четверти V в. до н.э. [Соколова, 1999, с. 186]. Эта дата согласуется и с датировками надгробий, которые по характеру письма были отнесены к первой половине столетия [Павличенко, 1999, с. 187].

Кроме перечисленных выше комплексов, к группе погребений с варварскими чертами, открытой на некрополе Нимфея, как было сказано, относятся ещё шесть гробниц, раскопанных в 1868 г. Материалы из этих комплексов хранятся в Ашмолинском музее в Оксфорде. Они были переданы туда в 80-х гг. XIX в. инженером В. Сименсом, курировавшим работы по прокладке участка линии «индоевропейского телеграфа», которая шла через Керченский пролив [Vickers, 1979, p. 7-8; 2002, p. 5-6]. Во время этих работ и были раскопаны нимфейские захоронения, материалы которых оказались в Англии. Впоследствии эти материалы и сохранившиеся описания раскопок были систематизированы и изданы М. Викерсом²⁹.

Гробницу 1 исследователь назвал погребением «воина и женщины» [Vickers, 1979, p. 9]. Это парное захоронение было совершено под насыпью высотой 7,25 м, в гробнице, сложенной из грубо обработанных плит местного известняка, обнаруженной на глубине 0,60 м ниже уровня поверхности в юго-восточной части кургана [Vickers, 1979, fig. 1]. Она была ориентирована по оси запад-восток. Выше, над верхним рядом камней гробницы, были обнаружены скелеты лошади и собаки. От костяков сохранились лишь отдельные кости – череп и нижняя челюсть. Череп принадлежал мужчине в возрасте 25–35 лет [Vickers, 1979, p. 35, pl. Пс; 2002, p. 14, pl. 1, 2]. Интересной его особенностью является трещина в лобовой части, которая, однако, не была причиной смерти. Возможно, она являлась следствием боевого ранения, от которого, по-видимому, воину удалось достаточно успешно излечиться. Челюсть с остатками зубов принадлежала женщине [Vickers, 1979, p. 35, pl. Пд; 2002, pl. 1, 2]. Инвентарь мужского погребения состоял из 22 бронзовых и одного костяного наконечника стрел (рис. 12, 1) [Vickers, 1979, pl. Па-b; 2002, pl. 2]; возможно, к нему относился и бронзовый шлем (рис. 12, 2) [Vickers, 1979, pl. Ia-c; 2002, pl. 1], не упомянутый в документации. Е.В. Черненко отнёс этот шлем к «иллирийской» группе, отметив, что шлемы этого типа распространены в Венгрии и на Балканах (особенно широко – на территории бывшей Югославии) [Черненко, 1966; 1968, с. 93].

К женскому вещевому комплексу принадлежали пара золотых ладьевидных серег («калачиков») (рис. 13, 1) [Vickers, 1979, pl. IIIa; 2002, pl. 3], небольшое электровое кольцо [Vickers, 1979, pl. XVIIIa, fig. 12-13], небольшие нашивные бляшки в виде фигурок зайцев (рис. 13, 2) [Vickers, 1979, pl. IVb-c; 2002, pl. 5], бронзовое зеркало (рис. 13, 3) [Vickers, 1979, pl. IIIb; 2002, pl. 4, 2], аттический краснофигурный лекиф с изображением зайца (рис. 13, 4) [Vickers, 1979, pl. IVa, fig. 2; 2002, pl. 4, 1]. Кроме этих вещей, в состав женского вещевого комплекса входили предметы, не сохранившиеся до наших дней: золотое ожерелье с подвесками в виде орехов и два мраморных алабастра. В гробнице также были найдены фрагменты шкуры,

²⁹ Нумерация комплексов дана по Vickers, 1979; 2002.

шерстяной ткани, орехи. Среди органических остатков была и морская губка, как и в кургане № 17, раскопанном А.Е. Люценко [Силантьева, 1959, с. 71]. Особенно интересен фрагмент шерстяной ткани высокого качества, что позволило высказать предположение о том, что она была произведена в Милете, метрополии многих боспорских колоний, славившегося своими тонкорунными овцами [Vickers, 2002, p. 24, pl. 6]. Форма и роспись лекифа позволили М. Викерсу датировать этот сосуд концом V в. до н.э. [Vickers, 2002, p. 20]; вероятно, к этому времени относится весь комплекс гробницы № 1. Изображение зайца на лекифе как бы «повторяет» сюжет, представленный на бляшках, возможно, усиливая его семантическое значение. Интерес представляет и декор золотых серег, один конец каждой из них оформлен в виде головки грифона. Тип серег-калачиков (или ладьевидных серег) был широко распространен в Греции и на Переднем Востоке с VII в. до н.э.; известен он и в варварском мире Северного Причерноморья, где бытовал до конца скифской эпохи [Скржинская, 1986, с. 112–114; Мартынов, 1997, с. 38]. Однако украшение в виде головок грифонов на серьгах этого типа чрезвычайно редко. Кроме экземпляров из нимфейской гробницы, такие головки грифонов известны только для ещё двух пар серег. Обе эти пары были обнаружены в скифских курганах Северного Причерноморья. Одна из них была найдена в комплексе кургана 3 у с. Дорт-Оба на левом берегу р. Салгир в центральной части Крыма [Петренко, 1978, с. 107, табл. 19, 10, 10а; Мартынов, 1997, с. 36–37; Алексеев, 2012, с. 124–125; Колтухов, Сенаторов, 2014, с. 68, рис. 1, 2]³⁰, другая была обнаружена в составе женского погребения скифского кургана 6 у с. Балабаны в Молдавии, датированного IV в. до н.э. [Чеботаренко, 1973, рис. 7, 8].

Изображения зайцев на золотых нашивных бляшках А.Р. Канторович в своей фундаментальной классификации отнес к типу, который он назвал «бельским»³¹. Исследователь отметил, что этот тип «не находит себе близких аналогий в рамках звериного стиля, данный тип композиционно сходен с модулем припавшего к земле хищника в скифском искусстве», и датировал нимфейские бляшки 475–425 гг. до н.э. (с учетом наиболее вероятной даты комплекса гробницы) [Канторович, 2015, с. 840–841].

Гробница 2 была обнаружена под насыпью кургана высотой 6,45 м [Vickers, 1979, p. 10]. Гробница, очевидно, была сходна с той, которая была обнаружена в предыдущем захоронении, располагалась она в восточной части кургана на древней дневной поверхности. В одной части сохранились остатки деревянного

³⁰ С.Г. Колтухов и С.Н. Сенаторов полагают, что погребение в кургане 3 Дорт-Обы может быть поставлено «в один ряд с небольшой серией богатых женских захоронений V–IV вв. до н.э. из степной Скифии» [2014, с. 72]. Исследователи считают, что серьги с головками грифонов из этого захоронения, изготовленные во второй половине V в. до н.э., достаточно долго использовались, прежде чем попасть в комплекс погребения, которое они склонны помещать в рамки более позднего времени. То же, очевидно, можно сказать и о серьгах из кургана у с. Балабаново.

³¹ Бляшка в виде фигурки зайца, близкая по композиции бляшкам из нимфейской гробницы, была найдена в кургане 2 могильника Перещепино I к западу от Бельского городища [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 114, рис. 124, 8; табл. IV, 5, 1].

гроба. Погребённая здесь женщина лежала головой на восток, на шее у неё было золотое ожерелье (рис. 14, 1), состоящее из бусин в виде головок барана [Vickers, 1979, pl. VIa; 2002, pl. 7, 1]. На плечах были найдены круглые золотые застёжки (рис. 14, 3, 4), очевидно, скреплявшие одежду [Vickers, 1979, pl. VIId; 2002, pl. 7, 3], на левой руке – золотое кольцо с изображением сфинкса (рис. 14, 1) [Vickers, 1979, pl. VIb; 2002, pl. 7, 2]. Судя по полевой документации, к этому комплексу, вероятно, относились два аттических краснофигурных аска (рис. 14, 4, 5) [Vickers, 1979, pl. VIIa-b; VIIa; 2002, pl. VIII], а также чернофигурные скифосы (рис. 14, 7, 8) и лекана (рис. 14, 7) [Vickers, 1979, pl. VIIIb, IXa-c; 2002, pl. 9-10]. На дне одного из скифосов – графито (рис. 14, 8a), возможно, имя владельца [Тохтасьев, 2015, с. 890-891]. Скифос датируется в пределах первой половины V в. до н.э. [Vickers, 2002, p. 30], а лекана – 430-420 гг. до н.э. [Vickers, 2002, p. 31]. Очевидно, захоронение можно датировать третьей четвертью V в. до н.э. Не исключена возможность, что под насыпью этого кургана в древности было совершено и мужское погребение, позже разрушенное грабителями.

Чрезвычайно интересен комплекс гробницы 6, интерпретированной как «гробница воина» [Vickers, 1979, p. 10]. Обнаруженный в ней мужской костяк лежал головой на восток. На шее у него была золотая гривна (рис. 15, 1) [Vickers, 1979, pl. XVa; 2002, pl. 18, 1], как и у погребённого в кургане 24, украшение, характерное для скифской элиты. Согласно классификации, разработанной Е.Г. Петренко, гривна из гробницы 6 (как и найденная в кургане 24) относится к первому типу I отдела [Петренко, 1978, с. 42]. Исследовательница отметила, что в целом в эпоху скифской архаики и классики находки гривен в погребениях достаточно редки. В архаическое время они известны лишь в лесостепи, но с конца VI в. начинают распространяться в Крыму и Прикубанье. В.Г.Петренко полагала, что в конце VI–V вв. до н.э. гривны «... уже окончательно становятся принадлежностью только тех погребений, где похоронены были мужчины-воины, представители богатейшей всаднической верхушки» [1978, с. 41].

На воине был чешуйчатый панцирь, сохранившийся фрагментарно (рис. 15, 2) [Vickers, 1979, XVb-c; 2002, pl. 17, 1]. Е.В. Черненко полагал, что найденные в могиле фрагменты являются нижней частью оплечий [Черненко, 1968, с. 43].

К мужскому захоронению относится и крупная бронзовая бляха в виде головы лося (рис. 15, 3) [Черненко, 1970, с. 195, рис. 3; Vickers, 1979, pl. XVIa; 2002, pl. 16], по-видимому, служившая нагрудным украшением панциря. Подобные украшения доспеха известны по материалам скифских аристократических погребений и изображениям на каменных изваяниях [Черненко, 1968, с. 36-37; 1970, с. 194-195]. Качество декора нимфейской бляхи, выразительность и тщательная проработка деталей позволяют отнести это украшение к выдающимся памятникам скифской торевтики классического времени. Манера изображения животного близка изображениям на бронзовых бляшках из скифских курганов лесостепи – кургана у с. Грищенцы [Галанина, 1977, с. 53, табл. 31, 5], Журовских курганов [см., например: Piotrovsky, Galanina,

Grach, 1986, pl. 62, 64]. Изображения лося встречаются и в курганах степной зоны, например, на бляшке из кургана у Мариуполя [Мурзин, 1984, рис. 9, 3]. Похожее изображение лося представлено на бляшке, служившей украшением конской сбруи, из нимфейского кургана № 1/1978 [Силантьева, 1959, рис. 47, 5]³².

А.Р. Канторович отнес бляху из гробницы 6 некрополя Нимфея к типу 3, который назвал «нимфейско-семибратним», и определил время его бытования в пределах V в. до н.э. [Канторович, 2015, с. 340].

Бронзовая бляха в виде головы лося, найденная в гробнице 6 нимфейского некрополя, уникальна по своим размерам (длина её – 11,6 см), а также по способу использования. Напомним, что она служила нагрудным украшением боевого доспеха. Нимфейская бляха как бы представляет собой увеличенную «копию» бляшек, широко использовавшихся в скифском мире для украшения парадной сбруи боевого коня.

На ногах погребённого были поножи, от которых сохранились 13 длинных бронзовых, частично накладывавшихся друг на друга пластин (рис. 15, 4), в древности, вероятно, крепившиеся на кожаную основу [Vickers, 1979, pl. XVIb; 2002, pl. 17, 2]. Остатки поножей из нимфейской гробницы были детально исследованы Е.В. Черненко и датированы в пределах второй половины V в. до н.э. [Черненко, 1968, с. 117–119, рис. 62; 1970, с. 195–197, рис. 4]. Исследователь отметил, что поножи этого типа известны на территории Восточной Европы с середины V в. до н.э., однако наибольшее распространение получили в IV–III вв. нимфейские поножи, по Е.В. Черненко, принадлежат к немногочисленной группе наиболее ранних находок, включающей всего 3 экземпляра.

Судя по описанию гробницы, в ногах погребённого, возможно, лежали коррозированные остатки меча. Вероятно, к этому комплексу принадлежали и три чернолаковых сосуда – две патеры и чаша на высокой ножке [Vickers, 1979, p. 10-11].

³² Стилистически бляшке в виде головы лося из нимфейской гробницы № 6 наиболее близка бляшка из кургана у с. Грищенцы (курган Тарновского) лесостепного левобережья [Галанина, 1977, табл. 31, 5]. У лося из кургана у с. Грищенцы, как и у лося из Нимфея, такая же массивная оконечность морды, загнутая вниз почти под прямым углом, один из завитков-«рогов», обращённый в сторону пасти, украшен композицией «глаз и клюв» в стиле зооморфных превращений. Вместе с тем, глаз у нимфейского лося, в отличие от «канонических» скифских изображений эпохи поздней архаики, не круглый, а миндалевидный, как у многих изделий в зверином стиле V в. до н.э., обнаруженных в захоронениях варварской знати вблизи греческих центров [например, в кургане № 5 на мысе Ак-Бурун близ Керчи: Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, fig. 92; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 135, кат. 11] или захоронениях в «контактных зонах», содержавших греческие импортные вещи и, вероятно, созданных под влиянием античного искусства [например, в комплексах Семибратних курганов: Piotrovsky, Galanina, Grach, pl. 86-89; 94]. Часть завитка, идущего к пасти животного и заканчивающегося птичьей головкой, украшена «рубчиками». Этот орнаментальный приём характерен для изображений животных на изделиях V в. до н.э., выполненных в русле «греко-скифского» искусства. Его можно увидеть на бляхах в виде оленей из Ак-Мечетского кургана, курганов у с. Ильичёво и Куль-Обы, на бронзовой бляхе в виде хищника из Кулаковского кургана. Изображения, при создании которых был использован этот декоративный приём, известны в это время и в степи, например, на бляхе из кургана у с. Ковалёвка Николаевской обл. [Мурзин, 1984, с. 41, рис. 24].

М. Викерс также отнёс к этой гробнице бронзовый черпак (рис. 15, 5), датированный концом V в. до н.э., длинная ручка которого заканчивается изображением лебединой головки [Vickers, 2002, p. 50. pl. 19, 1]. Похожие черпаки с ручками, имевшими такие же окончания, происходят из курганов 24 и 17 нимфейского некрополя [Силантьева, 1959, рис. 34, 1; 35, 39, 4].

Даже самый общий обзор комплексов, хранящихся в Ашмолинском музее, показывает их чрезвычайную близость материалам из раскопок нимфейского некрополя, хранящимся в Эрмитаже. Все эти гробницы, содержавшие богатые вещевые наборы, в состав которых входили золотые украшения, оружие, бронзовые сосуды, расписная столовая керамика, несомненно, можно отнести к захоронениям знати, т.е. представителей аристократической прослойки местного общества. Большинство захоронений сопровождали конские погребения с парадными уздечными наборами (или же украшения конской упряжи, в которых можно видеть семантическую «замену» конского жертвоприношения, символическое обозначение присутствия боевого коня, сопровождавшего хозяина). Э.В. Яковенко отмечала очень высокое качество изготовления уздечных наборов из нимфейского некрополя (а также из кургана на Ак-Бурунском мысе) и подчеркивала, что, судя по этим находкам, на Боспоре в V в. до н.э. преобладал скифский тип снаряжения лошадей [Яковенко, 1993, с. 85]. Весьма характерно сооружение курганов (иногда достаточно высоких) над гробницами этой группы, несомненно, сблизившее их в глазах современников с «могилам скифских царей».

Обычно рассмотренные выше комплексы относят к погребениям «с местными (т.е. варварскими – *М.В.*) чертами обряда» [Силантьева, 1959, с. 51]. Справедливо отмечается и сочетание в них черт обряда и элементов погребального инвентаря, характерного, с одной стороны, для греков Северного Причерноморья, а с другой – для варваров-скифов, занимавших господствующее положение в регионе [Зинченко, 2001, с. 121; Виноградов, 2005а, с. 245 сл.]. То, что погребения этого круга были совершены на территории некрополя греческого города, на наш взгляд, однозначно свидетельствует о том, что погребённые, лица высокого социального ранга, были достаточно тесно связаны с нимфейской общиной. По-видимому, представители местной, варварской аристократии в эпоху Археанактидов начали проникать в греческие города (вероятнее всего, в некоторые из них). Особенно ярко это видно на примере Нимфея. К подобному выводу об особенностях развития этого центра в своё время пришла Н.Л. Грач: «Эволюция греко-варварских контактов в Нимфейском регионе Боспора происходила по восходящей линии. Уже в V в. до н.э. местная аристократия играла заметную, если не ведущую роль в жизни города. Это подтверждают богатые воинские захоронения в курганах с местными чертами обряда» [Грач, 1999, с. 31].

О роли этих «местных элементов» в жизни Нимфея мы, конечно же, можем только догадываться. Неясно также, кем являлись женщины, сопровождавшие мужские захоронения в парных погребениях. Были ли они гречанками, соединившими свои судьбы с варварскими воинами-аристократами и способствовавшими, таким образом,

«адаптации» выходцев из туземной среды к новым условиям жизни, в том числе, обеспечивавшими их необходимыми родственными связями в круге греческой элиты? Здесь невольно возникает параллель со знаменитым парным погребением в кургане Куль-Оба (см. главу 2.6).

С.М. Зинченко, обратившись к вещам из кургана № 17/1876, разделила их на две основные группы: 1) произведения греческого круга; 2) произведения, «напрямую связанные с культурой скифского мира и воспроизводящие либо некоторую древнюю каноническую форму, либо стремящиеся дословно её цитировать» [Зинченко, 2001, с. 117]³³. Подробно рассмотрев нашивные бляшки в виде оленей из этого кургана [см.: Силантьева, 1959, рис. 38, 7], исследовательница пришла к выводу о том, что «в случае с нимфейским оленем мы имеем дело с использованием очень архаической канонической модели, существующей несмотря на бытование уже новых изобразительных систем» [Зинченко, 2001, с. 120]. Качество нимфейских бляшек позволило сделать вывод о том, что они были изготовлены с использованием плохо проработанной, т.н. «слепой» формы. Низкое качество формы, по мнению С.М. Зинченко, могло объясняться либо тем, что в распоряжении мастера находилась многократно использованная форма, либо тем обстоятельством, что она была создана по памяти, ориентированной на некий канон, и не предполагала тщательной проработки деталей. «Обе эти догадки объединены общей исходной ситуацией: необходимостью хотя бы в общих чертах представить некий важный канон, сохранённый в культурной памяти, и передать его через временные границы» [Зинченко, 2001, с. 120]. Этот интересный вывод вполне вписывается в современные представления о «синдроме исторического предка», часто заставляющего людей, живущих длительное время в чуждом им культурном и этническом окружении, помнить о своих «корнях» и подчёркивать их значимость самыми разными атрибутами (специфическими элементами костюма, вооружения, украшениями и другими способами), важными для культурной самоидентификации. Здесь опять хочется привести аналогию с золотой бляхой в виде оленя с подогнутыми ногами из кургана Куль-Оба. Образ этот, как известно, отражает одну из основных мифологем скифского искусства. Сама же бляха, вероятно, была изготовлена в одной из мастерских Пантикапея. Выполнивший её мастер, сохранив основные канонические черты «скифского оленя», создал схематичное, «утяжелённое», перегруженное деталями изображение, обладающее реалистическими чертами, присущими греческому искусству [Артамонов, 1968, с. 13; Королькова, Алексеев, 1994, с. 103 сл., рис. 1, 1]. Как нам представляется, с комплексом идей, связанных с акцентированием своей культурной принадлежности, можно соотнести и крупную бляху в виде головы лося (рис. 15, 3), украшавшую парадный доспех воина, похороненного в нимфейской гробнице № 1, материалы которой хранятся в Ашмолинском музее. Если принять

³³ Представляется, что это положение справедливо и для других комплексов нимфейских гробниц рассматриваемой группы.

допущение, что в каждом каноническом образе проецируется определённая историко-культурная ситуация [Зинченко, 2001, с. 121], придётся признать, что и в трансформации канона также отражена вполне конкретная историко-культурная ситуация. Конечно, изменения отдельных элементов на ряде изделий т.н. греко-скифской торевтики, происходящих из комплексов V в. до н.э., расположенных на периферии боспорских центров, отражают трансформацию звериного стиля под влиянием греческого искусства. С другой стороны, в декоре этих изделий сохраняются привычные каноны, они легко узнаваемы и отнюдь не «размыты». Устойчивое сохранение канонов, вероятнее всего, диктовалось желаниями «мигрантов первой волны» – варваров, вовлечённых в достаточно тесные взаимоотношения с греческими центрами, но в ряде случаев, возможно, не утративших связей с туземной средой (хотя бы на уровне самоидентификации). Добавим, что такое «акцентирование» своего происхождения и культурной принадлежности в целом более характерно для выходцев из элитарных слоёв. Они имели основание гордиться своим родом, славными предками и хотели не только сохранять о них память в новом окружении, среди изменившихся реалий жизни, но, вероятно, не прочь были подчеркнуть свой высокий статус среди иноплеменников, демонстрируя принадлежность к высшим слоям скифского общества.

Отметим, что появление конских захоронений на территории греческих грунтовых некрополей Европейского Боспора, по-видимому, является отличительной чертой эпохи. На достаточно скромном раннем некрополе Китея – города, расположенного южнее Нимфея, для V в. до н.э. обнаружена конская могила (№ 31) [Молев, Шестаков, 1991, с. 95, рис. 2, 3]. Конь лежал на подсыпке из песка, у его черепа были найдены остатки узды и железный наконечник копья [Молев, Шестаков, 1991, с. 90]. Скорее всего, захоронение коня сопровождало мужское погребение, как в случае с могилами В-14 и В-15, открытыми в 1999 г. на некрополе Нимфея.

Подкурганые захоронения, содержавшие погребения лошадей в насыпях курганов, известны в это время и на территории Азиатского Боспора. Огромный интерес представляют захоронения в курганах 1 и 2 некрополя *Фанагории*, открытые в 1852 г. К.Р. Бегичевым. В первом из них «наряду с гробницами воинов, одетых в полные воинские костюмы того времени, открыта была также устроенная из нежжёного кирпича гробница, где найдены 4 скелета лошадей, лежавших головами в одну сторону – на юго-восток». Курган 2 содержал погребение трёх воинов в чешуйчатых панцирях, с большим количеством наконечников стрел, обломками железных копий и меча, рядом были обнаружены конские гробницы, содержавшие 11 костяков и детали бронзовой узды [Гёргс, 1898б, с. 79]. Эти комплексы вполне можно датировать второй половиной V в. до н.э. [Завойкин, Сударев, 2006, с. 116; см. также главу 3.2].

Комплекс ещё одного кургана, раскопанного в 1852 г. на мысе *Тузла* К.Р. Бегичевым, был реконструирован С.В. Кашаевым [Кашаев, 2013б, с. 368 сл., см. также: Паромов, 2000, с. 74]. Согласно выводам этого исследователя, в погребении № 18 был похоронен мужчина-воин с железным мечом и бронзовыми наконечниками стрел. В том же кургане была раскрыта земляная гробница № 18а. В ней находилось захоронение

двух коней с уздечными наборами. Одной из погребённых лошадей принадлежала узда, детали которой могут быть датированы в пределах второй половины V в. до н.э. [Кашаев, 2013б, рис. 4]. Возможно, к интересующему нас времени относится и «жжёная гробница» погребения № 31, раскопанного в 1885 г., которая содержала «остродонную урну» с костями [Кашаев, 2013б, с. 383], а также погребения 53 и 53а в кургане № 11, раскопанном в 1886 г. Ф.И. Гроссом. Первое из них содержало погребение в каменном склепе (ограбленное), второе – захоронение коня [Кашаев, 2013б, с. 398].

Можно предположить, что к этому же кругу захоронений относилось и погребение, исследованное Д.В. Карейшей *к югу от Тамани*. Здесь в большом кургане, насыпанном «песчаной землёй», была обнаружена «жжёная гробница, ... в коей, за пеплом и костями человеческими в стороне, лежали кости лошади, и подле железные проржавевшие удила, да несколько медных вещиц, служивших, вероятно, украшением сбруи» [Карейша, 1844, с. 618].

В 1880 г. близ дороги, ведущей из Темрюка в Тамань, *в окрестностях Кеп*, Н.П. Кондаковым был раскопан курган, содержащий ограбленную гробницу, сложенную из сырцовых кирпичей и перекрытую деревянными брусьями, поверх которых был положен слой морской травы (камки) [ОАК за 1880 г., с. XII]. В гробнице был найден человеческий костяк, слева от него и у ног были найдены остродонная амфора со следами красной краски на горле, бронзовый черпак, ручка которого оканчивалась лебединой головкой, бронзовое ситечко с ручкой, конец которой также оформлен в виде головки лебедя, и большое количество наконечников стрел. В этом же кургане на расстоянии примерно 70 см от основного погребения была обнаружена другая сырцовая гробница, наполненная конскими костями (остатков сбруи обнаружено не было). А.А. Масленников отмечал сходство обряда и инвентаря этого комплекса с комплексом 4 Семибратнего кургана и на этом основании пришёл к выводу об этнической близости части «верхов» населения Кеп и обитателей глубинных районов Синдики [Масленников, 1981, с. 36-37]. Комплекс предположительно датируется серединой – второй половиной V в. до н.э. [Виноградов, 2005а, с. 251].

Обобщённые данные об этой группе погребений представлены в таблице 1. Хочется обратить внимание на то, что некоторые из курганов, возведённых над захоронениями этой группы, имели высокие насыпи. Лидером, безусловно, является курган 5 на мысе Ак-Бурун, высота насыпи которого достигала 8,5 м. В V в. до н.э. высокие курганы в зоне степей встречаются достаточно редко. Например, «царский» курган Близнец 2, высота насыпи которого достигала к моменту раскопок 7,05 м, считается самым высоким элитным скифским курганом области Днепровского Надпорожья и вторым по высоте³⁴ среди скифских курганов степной зоны класси-

³⁴ Выше него только знаменитый курган Солоха (15 м в высоту), основную гробницу которого датируют концом V в. до н.э. [Алексеев, 1992, с. 146-147; 2003, с. 259–261].

Боспорские исследования, вып. XXXIV

ческого времени [Ромашко, Скорый, 2009, с. 93 сл.]. Высота насыпей Ак-Бурунского и нимфейских курганов, несомненно, может рассматриваться как ещё один довод в пользу их элитарности.

Таблица 1. Курганы V в. до н.э. с «местными» чертами обряда близ боспорских городов

№	Местоположение	Год раск.	Конструкция	Погребенные	Инвентарь	Конская могила, упряжь	Дата
1	Ак-Бурун, погр. 5	1855-1856	Выс. 8, 5 м, окр. более 170 м. Яма в скале, перекрыта камнем, облицована досками	М (?)		2 конских захоронения, упряжь	Сер. – третья четв. V в.
2	Нимфей, к. 32, погр. 14	1876	Гробница из сырцовых кирпичей			4 отдельных конских погр., детали упряжи	Первая половина V в.
3	Нимфей, к. 24, погр. 19	1876	«Каменная» гробница, покрытая плитами, деревянный саркофаг	М (?), головой на в.	Золотые гривна, бляшки, «ворварка», доспехи, оружие, колчаный набор, перстень, греческие бронзовые изделия, краснофиг. скифос, 3 чернолак. чаши	Конская могила, детали упряжи	Ок. середины V в.

4	Нимфей, к. 14	1878	Выс. 6 м., окр. 115 м.	М (?)	Панцирь, оружие, колчаный набор, греческие амфора, туал. сосуды	Конское погр. в насыпи, детали упряжи	Сере- дина – вторая пол. V в.
5	Нимфей, к. 6	1878	Централь- ная часть кургана разрушена			Боковая гроб., 5 коней, детали упряжи	Сере- дина – вторая пол. V в.
6	Нимфей, погр. В-14; В-15.	1999	Ямы в скале, В-14 перекрыто плитами	М (?)		Конь, уздечный набор	Не позднее третьей четв. V в.
7	Нимфей, гроб. 1	1868	Выс. 7,25 м, гробница из плит из- вестняка	М и Ж (пар- ное)	Шлем, колчаный набор. Золотые серьги, ожерелье, кольцо, нашивные бляшки, бронз. зеркало, красно- фигур. лекиф, 2 мраморных алабастра, ткань, шкура, орехи	Конь (и со- бака) в на- сыпи над камерой	Кон. V в.

8.	Нимфей, гроб. 2	1868	Выс. 6,45 м, деревянный саркофаг	Ж, головой на в.	Золотые ожерелье, застежки, кольцо, 2 красноф. аска, черно- фигурные скифос и лекана	–	Первая пол. V в.
9.	Нимфей, гроб. 6	1868		М, головой на в.	Золотая гривна, панцирь, поножи, бронзовая бляха – голова лося, меч, 3 черно- лак. сосуда, бронзовый черпак	–	Конец V в.
10	Китей, мог. 31	1982				Конская могила, узда и копье	V в.
11	Фанаго- рия, к. 1	1852		М (нес- колько гроб- ниц)	Предметы вооруже- ния, доспехи	Сырцовая гробница с 4 конями	V в.
12	Фанаго- рия, к. 2	1852		3 М	Панцири, меч, копья, наконечни- ки стрел.	Гробницы (сырцо- вые?) с 11 коня- ми	V в.
13	М. Тузла, погр. 18 и 18а	1852		М	Меч, на- конечники стрел	Земляная гроб. с 2 конями, 1 уздечный набор	V в.

14	Ок. Кеп, у до- роги из Темрюка в Тамань, курган	1880	Курган, сырцовая гробница	М, головой на в.	Амфора, бронз. черпаки ситечко, наконечни- ки стрел	Конская сырцовая гробница	Сере- дина – вторая пол. V в.
----	---	------	---------------------------------	------------------------	--	---------------------------------	---

Уже было отмечено, что погребения варварской аристократии вблизи греческих городов (иногда, как в Нимфее, на территории греческого некрополя) были сосредоточены близ таких центров, как Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса и Кепы [Виноградов, 2005а, с. 246–248]. Не вызывает сомнения, что, как полагает Ю.А. Виноградов, эти «центры притяжения» не были случайными и отражают как результат и тенденции общей ситуации во взаимодействиях между греками и варварами, так и являются следствием целенаправленной политики конкретных греческих центров. Не вызывает сомнения и то, что эти курганы принадлежат варварской племенной аристократии. Греческий центр, в окрестностях которого группировались курганы, по всей видимости, проводил независимую внешнюю политику, был достаточно «сильным» и привлекательным партнёром для варваров. Здесь стоит вспомнить о том впечатлении, которое произвели курганы, увиденные вблизи греческих городов Боспора, на учёного и путешественника Дюбуа де Монпере. Вот что он писал: «Число курганов, окружающих город, всегда находится в прогрессивном отношении к важности и богатству города. Приведу пример. На Керченском полуострове курганы нигде не встречаются в столь значительном числе, как вокруг развалин Пантикапеи. Поэтому, если мы захотим приложить эту мерку к азиатской метрополии и будем её искать на Таманском полуострове, то мы должны остановиться на местности, всего более покрытой курганами. Посетив весь полуостров, мы должны признаться, что курганы, окружающие станцию Сенную, суть самые значительные и многочисленные. Если их счесть, то они превосходят числом все прочие группы Таманского полуострова, вместе взятые. Расположенные по всем возвышенностям, эти надгробные памятники образовали большой полукруг около Фанагории, но они не переходят ни Шимарданскую низменность на западе, ни Киммерийский вал на севере. Они стоят то поодиночке, то группами и зараз их можно насчитать сотнями» [Dubois de Montpéreux, 1843, p. 75-76; цитата по Гёрц, 1898а, с. 89-90].

Весьма характерно, что курганные погребения варварской аристократии в это время фиксируются и близ наиболее крупных и «значимых» греческих городов Северо-Западного и Западного Причерноморья³⁵. В районе Нижнего Побужья в кон-

³⁵ В Западном Причерноморье этот процесс фиксируется для более раннего времени. Ко второй половине – концу VI в. до н.э. относится гробница в кургане XVII некрополя Истрии, где в ногах погребённых были обнаружены останки двух лошадей [Alexandresku, 1966а, p. 147-150, fig. 15-16].

це первой – второй четверти V в. до н.э. появляются достаточно многочисленные курганы, «тяготеющие» к главному центру региона – Ольвии. В процессе их раскопок обнаружены остатки тризн, античные амфоры и столовые сосуды, ворворки, детали боевой амуниции, колчаные наборы, предметы конской упряжи [Гречко, 2010а, с. 128]. Однако в отличие от территории Киммерийского Боспора все эти курганы находятся далеко от греческого города. На ольвийском некрополе с конца VI – начала V вв. до н.э. известны погребения, содержавшие скифские колчаные наборы и украшения в зверином стиле [Капошина, 1956, с. 173–176, рис. 16–17; Скуднова, 1988, с. 55–56]. Но эти комплексы, судя по всему, относятся к разряду рядовых погребений. Элитные захоронения «с варварскими чертами», подобные нимфейским или фанагорийским, в ольвийском некрополе классического времени не известны.

«Негреческие» черты в погребальной практике боспорской элиты. К «негреческим» чертам, характерным для погребений Боспора, исследователи традиционно относили наличие тризн, невосточную ориентировку погребённых, скорченное положение костяков, окрашивание костяков охрой, наличие в могилах напутственной пищи, некоторые специфические предметы погребального инвентаря (амфоры, зеркала и пр.) [Масленников, 1981, с. 29 сл.], хотя преобладает мнение о том, что захоронения с такими чертами могли принадлежать грекам [Арсеньева, 1984, с. 223]. Высказывалось и предположение, что наибольшее распространение в погребальном обряде колоний Северного Причерноморья получили обычаи, которые соответствовали традициям, известным как в греческом, так и варварском мире, например, обычай сопровождать погребение тризной [Кастанаян, 1959, с. 263]. Соглашаясь с ним в целом, мы всё же должны иметь в виду, что греки – жители боспорских городов, несомненно, были знакомы и с обычаями местных, варварских племён, многие из которых не могли не произвести на них глубокого впечатления. Среди них был и обычай торжественного погребения скифских «царей» (*Herod.* IV. 71–72). Существенной чертой варварских аристократических погребений было сооружение кургана над могилой, высота насыпи красноречиво свидетельствовала о статусе погребённого (*Herod.* IV. 71, 4). Ближе к середине V в. до н.э. вокруг греческих городов, проводивших независимую политику, в том числе, очевидно, и в отношении различных варварских группировок, появляются курганы варварских аристократов, о связях которых с той или иной греческой общиной и полисной элитой (политических, брачных и пр.) мы можем строить лишь самые общие предположения.

Нечто подобное фиксируется в это время и на греческих некрополях – в виде «сплошных могильных насыпей» или относительно невысоких курганов, как в Пантикапее и Нимфее. Конечно, этим скромным памятникам далеко до огромных курганов боспорской аристократии эпохи Спартокидов, однако появление их достаточно символично и связано с мироощущением элиты времени правления Археанактидов. Существует мнение о том, что особо обозначенные «могилы предков-основателей поселений» играли большую роль в сознании греков, живущих на периферии античной ойкумены, выражая идею обладания территорией. Стремление

Вместе с тем, можно говорить и о новых чертах в погребальных традициях боспорских центров эпохи Археанактидов. К наиболее выразительным относятся появление и распространение захоронений лошадей в греческих некрополях, появление подкурганых погребений как на территориях самих некрополей, так и вблизи ряда важнейших греческих центров (Пантикапей, Нимфей, Фанагория и др.). Для эпохи Археанактидов можно выделить группу погребений «с варварскими чертами», которая значительно отличается от рядовых захоронений. Захоронения этой группы совершались под курганными насыпями (пусть часто незначительными по высоте), содержали конские могилы с упряжью варварских типов, оружие и украшения «туземного» облика. Особенно ярко эти черты демонстрирует некрополь Нимфея, что, вероятно, можно рассматривать как ещё одно свидетельство в пользу «независимости» и «особой судьбы» этого города.

Как уже говорилось выше, исходя из имеющихся в нашем распоряжении материалов, выделить пласт «безусловных» аристократических захоронений для эпохи Археанактидов не представляется возможным. Очевидно, «аристократический» обряд погребения ещё не сформировался, не приобрёл характер устойчивости. Скорее, мы можем рассуждать лишь о появлении «черт элитарности», выражающихся в размерах погребальных сооружений, наличии курганной насыпи, «богатстве» и разнообразии инвентаря и пр. Вместе с тем, необходимо отметить, что практически все подобные захоронения отличаются ярким набором «негреческих», туземных черт. Это наблюдение возвращает нас к извечному вопросу о характере культуры Боспорского государства, о сочетании «греческого» и «негреческого» в облике этой культуры и, конечно же, в облике боспорской элиты.

1.8. Элита Боспора при Археанактидах

Несомненно, в эпоху Археанактидов элита Боспора уже вполне оформилась и располагала достаточно высокой централизацией власти. Эта власть, по-видимому, была сосредоточена в руках «семейного аристократического клана», ведущего происхождение от первого ойкиста – предводителя группы колонистов, одного из основателей боспорского города (возможно, Гермонассы), загадочного Археанакта, личность которого неизменно возбуждает горячие споры в научной среде. Как ойкист, он обладал важнейшими полномочиями, авторитетом и властью. В число его обязанностей входила и организация культовых центров, святилищ и алтарей. Его потомки, вероятно, сохраняли и приумножали своё достояние и политическое влияние, возможно, им удалось добиться особого почитания могилы-героона Археанакта. Тогда первые правители Боспора могли возводить свой род к героизированному предку, что в значительной степени способствовало реализации их политических амбиций. Археанактиды, вероятно, занимали высокое положение в системе организации и управления одного из поселений на берегах Киммерийского Боспора. Достаточно, по-видимому, стабильное положение Гермонассы на фоне тех потрясений, которые

переживали греческие центры во время периода дестабилизации второй четверти V в. до н.э., возможно, свидетельствует в пользу того, что этот город мог являться первоначальным опорным пунктом, связанным с деятельностью Археанактидов. Позже их главной ставкой становится Пантикапей³⁶.

Для эпохи Археанактидов можно проследить отдельные, но очень выразительные признаки в погребальном обряде и сопровождающем инвентаре некоторых комплексов Европейского Боспора, «сближающие» их с памятниками Азиатской части. Речь здесь, прежде всего, должна идти о кургане 5 на мысе Ак-Бурун, насыпь которого содержала большое количество морских ракушек. Эта особенность характерна для погребального обряда Тамани. Детали уздечного набора, обнаруженные в этом комплексе, стилистически близки украшениям в «зверином стиле», происходящим из элитных захоронений Азиатского Боспора, прежде всего из 4-го Семибратнего кургана, комплекс которого, вероятнее всего, относится ко второй четверти—середине V в. до н.э. [Горбунова, 1971, с. 20]. Стилистически близки бронзовым бляхам конской узды из Семибратних курганов и бляхи, найденные при раскопках гробниц нимфейского некрополя [см., например: Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 87–98].

Отметим, что отдельные черты в конструкции могильных сооружений, свойственные погребальному обряду Таманского полуострова, изредка встречались на некрополях городов Европейского Боспора и в предшествующее время. Например, в погребении А44 нимфейского некрополя, относящемся к последней четверти VI в. до н.э., поверх дощатого настила был зафиксирован толстый слой морской травы (камки) [Грач, 1999, с. 28]. В отличие от элитного комплекса кургана Ак-Бурун это более раннее захоронение принадлежит к рядовым погребениям, однако демонстрирует наличие того же «азиатского» импульса к западу от Керченского пролива. При известной доле воображения можно соотнести этот «азиатский след» с предположением о том, что первоначально семейство Археанактидов опиралось на один из центров Азиатского Боспора (вероятнее всего, на Гермонассу).

Власть Археанактидов, вероятно, обрела «концентрированный» характер и усилилась под воздействием неблагоприятных обстоятельств, следствием которых стали военные конфликты, угрожавшие самому существованию греческих колоний Боспора. Возможно, представителям этого рода пришлось создавать объединение, способное противостоять глобальной угрозе, в «конкурентной борьбе» с представителями других знатных семейств, ведущих своё происхождение от других ойкистов, имена которых письменная традиция донесла до нас лишь частично.

Быт этих первых правителей Боспора представляется достаточно скромным, хотя к началу периода дестабилизации наметилась тенденция к возведению богатых домов на акрополе Пантикапея, по-видимому, прерванная военными действиями.

³⁶ В качестве гипотетической параллели можно предложить картину управления Московским княжеством с эпохи Ивана Калиты до воцарения Иоанна IV, когда «родственники и свойственники» великого князя в своих уделах, признавая верховную власть Москвы, обладали широкими полномочиями – держать дружину, вершить суд, собирать подати и пр.

Среди известных нам погребальных памятников эпохи Археанактидов можно предположительно выделить ряд элитарных погребений. Такие захоронения располагались среди «простых» могил. Для интересующей нас эпохи не удаётся выявить ни участков некрополей, принадлежавших аристократическим семьям, ни установить какой-либо закономерности в расположении «богатых» погребений, например, территорий, к которым бы «тяготели» захоронения, отличавшиеся признаками элитарности. Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что на Боспоре доспартокидовского времени ещё не существовал, не сложился тип элитного погребального сооружения (к примеру, монументальный склеп аристократической семьи). Не существовало, по-видимому, и регламентированного «особого» круга вещей, которые следовало помещать в могилу аристократа и которые должны были сопровождать его в ином существовании или облегчать ему переход в загробное царство³⁷.

Хочется обратить внимание на то, что в силу каких-то причин на Боспор первыми колонистами не было принесено (а их потомками не было развито) практически ничего из погребальной практики «роскошных» аристократических захоронений Малой Азии. Мы не знаем на Боспоре (да и во всём Северном Причерноморье эпохи архаики и ранней классики) ни монументальных каменных гробниц, таких, например, что возводились в Милете вдоль «священной дороги» в Дидимы [Graves, 2002, fig. 3, 8], ни родовых погребальных усыпальниц под насыпями огромных курганов, известных в Клазоменах [Hürmüzü, 2004, fig. 2], ни расписных подкурганых склепов [Mellink, 1998, pl. 1-7; Özgen, Öztürk, 1996, fig. 88, 89], ни даже каменных саркофагов, характерных для захоронений состоятельных граждан Клазомен или Абдеры, известных по раскопкам их древнейших некрополей [Tzannes, 2004, fig. 5, 6; Hürmüzlü, 2004, fig. 1; 17; Kallintzi, 2004, fig. 9].

Заметим, что некоторые исследователи, опираясь на данные современных раскопок, склоняются к тому, чтобы интерпретировать серии погребений в могильниках Балканской Греции как захоронения элиты. Так, например, при раскопках некрополя в Архонтико в Македонии (неподалеку от Пеллы) была выявлена компактная группа погребений, по-видимому, принадлежавших представителям верхушки местного общества. Могилы, выявленные в Архонтико, охватывают период времени от раннего железного века по эллинистическое время, среди них есть и группа могил V в. до н.э. [Archibald, 2005, p. 22-23]³⁸. Ничего подобного выявить для Боспора эпохи Археанактидов пока не удаётся.

³⁷ Это слабое, невыразительное проявление «элитарных» черт в материальной культуре раннего Боспора действительно может создавать впечатление, что процесс формирования боспорской знати шел очень медленно, растянувшись на несколько веков, и завершился лишь в эпоху Спартокидов [Шепко, 2013, с. 236].

³⁸ Для некрополя Архонтико характерно наличие оружия в составе погребального инвентаря. Так, из 52 мужских захоронений, открытых здесь в 2001 г., оружие было обнаружено в 44, что дало повод С. Арчибалд назвать погребённых «офицерами и джентльменами», по названию известного романа И. Во [Archibald, 2005, p. 13].

ских погребений, были одним из элементов погребального обряда, смысл которого вполне мог быть воспринят греческими колонистами и их потомками.

Представляется вполне закономерным, что именно в эпоху правления Археанактидов на Боспоре впервые фиксируется серийное производство вещей местных типов и украшений в «зверином стиле», предназначенных для сбыта варварам. Большинство этих изделий, скорее всего, производились в мастерских Пантикапея. К их кругу принадлежали как относительно дешёвые вещи (такие как декор конской упряжи), так и дорогие парадные изделия, вероятно, служившие дипломатическими дарами при заключении договоренностей между греческими полисами и варварскими группировками. Такими дарами обычно обменивались в торжественной обстановке представители элит разных обществ.

Как известно, одним из самых надёжных критериев эффективности элиты являются результаты её деятельности. Боспорская элита, сплотившись под эгидой аристократического рода Археанактидов, сделала Пантикапей центром своего объединения, достойно отразила «удар» степи, добилась определённой внешнеполитической стабилизации и, как и элита других греческих центров Северного Причерноморья, успешно адаптировалась к новой обстановке, сложившейся в регионе.

М.Ю. Вахтина.

хоронений достаточно легко воспринималась представителями элит разных обществ, может служить любопытный отрывок из духовного завещания А.П. Ермолова. Знаменитый генерал, долгие годы служивший на Кавказе, в «Распоряжении о погребении и количестве издержек, на то назначенных», особо указывал: «Не быть погребенной колеснице, ни верховой лошади в траурной попоне...» [о. Сергей (Разумцев), 2011, с. 158-159]. То есть вполне вероятно, что без этого распоряжения и колесница, и боевой конь могли быть захоронены вместе с ним. Напомним, что А.П. Ермолов был похоронен в Орле, на кладбище орловской городской Троицкой кладбищенской церкви.